

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

«ВОЖПАЖКА»

№ 17. 2015 год

Содержание

К читателю 3

Память места

В. М. Федоров, О. В. Ганусини. Военные страницы истории аэродрома Лисий Нос – Горская 6

А. Ф. Векслер. 1-я Советская улица. Окончание 21

Петербургские судьбы

С. И. Бердичевский. Рассказ о моем отце 43

П. Кадосов. Изобретатель И. Н. Захаров 48

Трагит науки

О. Ю. Куликов. Школа у Спасо-Парголовского храма 53

Колонкава Аполлона

В. Г. Исаченко. Художник Рахлов 60

Золотые кладовки: библиотеки, архивы, музеи

И. Кузнецова, П. Лаврук. «В реестре потерь не числится». Библиотека Главного штаба в блокаду 68

Засоронкав фризды

Г. Н. Зелянина. «... В моем любезном Парголово» (В. Стасов) 79

Наша книжкав полка

К выходу книги «Династия Остальцовых» 89

Редакция альманаха

Бушина Светлана Сергеевна
Волкова Светлана Анатольевна
Нижанковская Лидия Геннадьевна
Рудая Зинаида Абрамовна (отв. ред.)
Савельева Александра Викторовна
Шубина Елена Ивановна

Редакционный совет

Аксельрод Владимир Ильич
Молкина Ольга Ивановна
Орлова Валентина Трофимовна

Фонтанка: культурно-исторический альманах / ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб., 2015. – № 17. – 96 с.

- © ЦГПБ им. В. В. Маяковского
- © Дизайн Людмилы Пивоваровой
- © Художник Виктор Гузенюк
- © Издательство «Политехника-сервис», 2015

Контактная информация:

Центр петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского
191025, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 44-46
Тел.: 363-36-58
e-mail: petroinf@pl.spb.ru
<http://www.mirpeterburga.ru>; <http://www.pl.spb.ru>

Формат издания 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург»
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «К-8».
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.

Рис. В. Г. Исаченко. 1978

К читателю

Дорогие друзья!

Этот выпуск мы готовили в преддверии 70-летия Великой Победы «со слезами на глазах». Статьи, посвященные святому для всех нас событию, напоминают ценой каких невероятных усилий и потерь она досталась всей стране и особенно – Ленинграду.

А. Ф. Векслер продолжает историю 1-й Советской улицы (дома №№12 и 14). Кажется, автор впервые сопоставил списки ленинградцев, убитых на фронте, со сведениями о жертвах блокады, т.е. «воссоединил» родственников, и стало очевидно,

что погибали семьями. Получился честный рассказ о войне, о страшном молохе, пожиравшем целые поколения коренных петербуржцев-ленинградцев, а также многих недавно приехавших в город со всех концов страны для учебы, работы на промышленных предприятиях.

О том, как город оборонялся, рассказывают В. М. Федоров и И. В. Ганусинец в статье «Военные страницы истории аэродрома Лисий Нос – Горская». Именно там располагался знаменитый 26-й ночной истребительный авиационный полк, в котором служили легендарные летчики: В. А. Мациевич, Д. Е. Оскаленко, А. Т. Севастьянов. Авторам удалось живо представить этих молодых, привлекательных людей, самоотверженно оборонявших Ленинград.

Как известно, город помогал обороне. С. И. Бердический рассказывает об этом на примере своего отца И. Я. Бердичевского, инженера, вузовского преподавателя, рационализаторские предложения которого помогали нашим летчикам-бомбардировщикам. В рассказе – поразительная сцена участия его отца, голодного, замерзшего блокадника, в бомбардировке врага из застуженной кабины самолета.

В нашем городе и во время войны работали театры, филармония и библиотеки. Директор военно-исторической библиотеки Генерального штаба ВС РФ И. Кузнецова и главный библиограф П. Лаврук в статье «В реестре потерь библиотека не числится...» рассказывают о людях, спасавших эту единственную в своем роде библиотеку. Хочется выразить коллегам искреннюю благодарность за то, что в последние годы они много делают для воссоздания истории библиотеки Главного штаба.

Для нашего издания рубрика «Петербургские судьбы» – одна из важнейших. В этом выпуске опубликована статья диакона Павла Кадосова о жизни и судьбе забытого изобретателя И. Н. Захарова, который придумал безопасный способ сушки взрывчатого вещества, чем снизил опасность взрывов на пороховых заводах. Его судьба – еще одно зеркало истории нашего города.

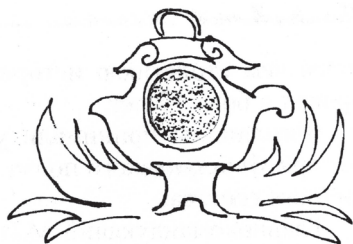

Наш постоянный автор В. Г. Исаченко рассказывает о своем друге – художнике Г. В. Рахлове. Рассказ воссоздает творческую атмосферу 60-х годов, передает чувство родства с городом, с его зданиями. Взобравшись на леса реставрируемого Казанского собора, художники видят сверху Невский проспект и переживают в душе праздник.

К «Петербургским судьбам» можно отнести и рассказ о заведующей архивом Мариинского театра В. Н. Остальцовой, героине книги «Династия Остальцовых», которая должна выйти в следующем году.

Бывшим пригородам Петербурга посвящены две статьи: рассказ О. Ю. Куликова о школе у Спасо-Парголовоого храма, ровеснице великих реформ Александра II, от которой ведет свою биографию современная школа на Сиреневом бульваре, и статья Г. Н. Зеляниной «...В моем любезном Парголово» о жизни В. В. Стасова на Парголовооой даче, ставшей благодаря ему центром культурной жизни. Эта статья, как и вся рубрика «Загородная жизнь», в очередной раз доказывает неразрывную связь истории Петербурга и его окрестностей.

Наименование места

**Виктор Михайлович Федоров,
Олег Владимирович Ганусинец,**
краеведы,
члены клуба «Приморский ветер»

Военные страницы истории аэродрома Лисий Нос – Горская

В августе 2012 года исполнилось 75 лет аэродрому Горская, принимавшему непосредственное участие в двух войнах: Советско-финской и Великой Отечественной. В реестре аэродромов авиации РСФСР ему было выдано свидетельство о государственной регистрации за № 170 от 02.08.1937 года.

Во время блокады Ленинграда аэродром Горская был одним из основных, защищавших наш город с воздуха, наряду с аэродромами населенных пунктов Углово, Ржевка, Сосновка, Гражданка и др. Непосредственная близость к Кронштадту сделала его также защитником Балтийского флота, первым помощником военных моряков. Всего же в надежное кольцо воздушной обороны ленинградского неба входило более 15 военных объектов.

Рядом с действующим аэродромом, ближе к Лисьему Носу, был построен фальшивый, с целью дезориентировать противника. На летном поле стояли «самолеты» из фанеры, это были муляжи, изготовленные в цехе театральных декораций при театре им. С. М. Кирова на улице Писарева в Ленинграде. Обманный аэродром несколько раз подвергался массированной бомбардировке, тем самым спасая настоящий.

На территории аэродрома в землянках проживал технический состав летных полков (их в Горской базировалось несколько), а сами летчики жили в общежитиях в Лисьем Носу.

На аэродроме Горская с 10 ноября 1941 года базировался знаменитый 26-й истребительный авиационный полк. Знаменит он тем, что это был единственный на Ленинградском фронте полк, носивший официальное название – ночной.

Рассказ о военном периоде истории аэродрома Горская был бы неполным без упоминания о легендарных летчиках, служивших в годы войны на аэродроме. Один из них был Мациевич Василий Антонович.

Услышав фамилию «Мациевич», сразу вспоминаешь легенду отечественной авиации – Льва Мациевича¹, одного из первых российских авиаторов, трагически погибшего в 1910 году во время показательного полета на Комендантском аэродроме под Петербургом.

Василий и Лев Мациевичи являлись дальними родственниками. «О Льве Мациевиче я узнал, когда закончил уже летную школу, да и то случайно, – признавался впоследствии В. А. Мациевич. – Откуда мне было знать мою родословную? С шести лет я остался круглым сиротой, воспитывался в детском доме. Так что летчиком сделал меня не двоюродный дядя. И вообще-то летать я не собирался. К морю тянуло – это да...».

У Василия Мациевича были основания видеть себя моряком. В 1932 году слесарь Ленинградского завода имени Карла Маркса стал студентом морского техникума Совторгфлота. Но все-таки «авиационные гены» знаменитого дяди взяли верх, учиться морскому делу пришлось всего год. Молодой советской авиации требовалось крепкое пополнение. Комиссия отбирала лучших коммунистов и комсомольцев. Первым из студентов вызвали

---

¹ Мациевич Лев Маркович (1877–1910, СПб), воен. инженер, один из первых русских летчиков окончил Харьковский технол. ин-т (1901), Николаевскую мор. академию (1906), офицерские классы подводного плавания (1907) и летную школу А. Фармана (Франция, 1910). Погиб, выполняя показательный полет во время Всерос. праздника воздухоплавания на Комендантском аэродроме. (См.: Санкт-Петербург: энцикл. СПб., 2004. С. 503).

Василия Мациевича. В 20 лет он был уже секретарем студенческой партийной организации. С мыслью о море пришлось распрощаться.

В 1936 году он окончил Оренбургскую военную авиационную школу, год спустя – курсы усовершенствования командного состава. Наступает тревожный 1938 год, в самый разгар репрессий Мациевича увольняют из авиации и лишают воинского звания, так как его брата арестовали как «врага народа». Но и тут судьба встает на сторону летчика, уже в 1939 году Василий Антонович восстановлен в прежнем звании и участвует в боевых действиях на Западной Украине и в Белоруссии, в Советско-финской войне 1939–1940 годов.

С июня 1941 года Мациевич воюет в действующей армии, а уже в декабре этого года возглавляет 26-й истребительный авиацион-

Летчики 26-го авиационного полка готовят оружие к бою

ный полк, дислоцированный на аэродроме Горская. Боевые задачи командир и его летчики выполняли всегда нестандартно, с выдумкой, которая приводила врага в полное недоумение. Его боевой друг Дмитрий Оскаленко сказал однажды, что «Мацевич летает так же, как играет, – с душой». У Оскаленко были все основания для такого сравнения. Он видел Мацевича в воздухе и слышал его игру. В дачном домике, по адресу: Лисий Нос, улица Боровая, д. № 9, отданном во время войны их эскадрилье, стояло старенькое пианино. Когда выдавалось свободное время (чаще всего это случалось в непогоду), командир подсаживался к инструменту. В комнате сразу становилось тесно – собирались все лётчики. Репертуар командира эскадрильи был не так уж велик, но лётчики слушали его охотно. Особенно он любил наигрывать песни из репертуара Клавдии Шульженко. Казалось, Мацевич размышляет над клавишами. Может быть, потому одна и та же мелодия в разное время звучала по-иному, с каким-то особенным оттенком. И в каждый свой боевой полёт он вкладывал что-то новое.

Летчики 26-го гвардейского истребительного авиационного полка. 1943 г.

«Несмотря на свою молодость, Мациевич имел, если можно так выразиться, свою воздушную философию, свои взгляды на профессию летчика, – вспоминал командующий ВВС Ленинградского фронта А. Новиков. – Он поднимался в воздух не просто для того, чтобы вогнать в землю еще один «мессершмит» или «хейнкель». Каждый вылет, каждый бой для него был целым миром, в котором он старался открыть для себя что-то новое, такое, что еще больше утвердило бы его не только как летчика и воина, но и как человека, вновь принесло бы ему то непередаваемое словами чувство полноты жизни, без которого он не мыслил себя в кабине самолета».

Ночная охота на истребителях и ночные бомбардировки вражеских артиллерийских батарей и автоколонн, посадка изрешеченного пулями самолета на одно уцелевшее шасси и на льдину в Финском заливе, бой с многократно превосходящим по числу противником – во всех этих героических подвигах участвовал Мациевич и его эскадрилья.

Под грамотным и умелым руководством командира молодые лётчики обретали уверенность. В условиях ленинградской бло-

В. А. Мациевич у боевого самолета. 1939 г.

кады вера в свои силы, в победу становилась могучим оружием. Именно эта вера помогала побеждать в тяжёлых, неравных схватках. Ещё в 1941 году Мациевич вёл бой, после которого лётчики спрашивали: «Как же это вы, товарищ командир, решились парой атаковать десятерых?». «Как решился? – переспросил Василий Антонович. – А я, признаться, не думал: решаться мне на это или не решаться. Надо было». И это притом, что в ту пору Мациевич считался самым старшим по возрасту в полку, ему было 27 лет. Сухая статистика говорит нам о том, что всего за годы войны капитан В. А. Мациевич совершил 196 боевых вылетов, в 44 воздушных боях лично сбил 16 и в составе группы 6 самолётов противника.

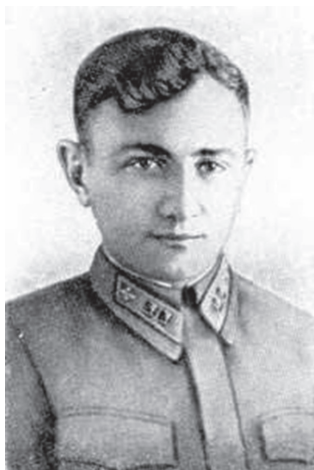
Судьба была благосклонна к знаменитому командиру 26-го авиационного полка: награжденный многими воинскими наградами (в том числе Золотой Звездой Героя Советского Союза, за номером 560), он дожил до 80-х годов XX века. После окончания войны продолжал служить в ВВС. В 1956 году окончил Военную академию Генерального штаба. С 1964 года полковник В. А. Мациевич – в запасе. Жил и работал в Ленинграде.

Помимо Золотой Звезды, был награждён орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды (дважды), медалями. На доме № 4 по проспекту КИМа, где жил знаменитый лётчик, в 1989 году установлена мемориальная доска.

Рассказывая о героях военного аэродрома Горская, мы уже упоминали о Дмитрие Ефимовиче Оскаленко. Расскажем подробнее об этом героическом лётчике. Биография самая обычная: родом из крестьянской семьи, деревня Следюки Могилевской области, далее три курса Минского политехнического техникума, в 1937 году был призван в Красную Армию. В 1939 году окончил Ленинградское военное авиационно-техническое училище. Прошел Советско-финскую войну 1939–1940 годов. В 1941 году окончил Качинскую военную авиационную школу.

По словам бывшего лётчика-истребителя, участника боёв за Ленинград, Героя Советского Союза Ивана Павловича Неустру-

Д. Е. Оскаленко. 1941 г.

ева: «Дмитрий ещё в Каче зарекомендовал себя способным слушателем. Он досконально изучил материальную часть, безукоризненно овладел теорией, был примером для однокашников в технике пилотирования. По прибытии в Ленинградский военный округ его назначили в 26-й истребительный авиационный полк, на вооружении которого имелись самолёты И-16 и И-153 («Чайки»). Два месяца учёбы в мирных условиях Оскаленко использовал с максимальной пользой для повышения своего лётного мастерства, а когда началась война, он включился в активные боевые действия. Вскоре имя 20-летнего лейтенанта

гремело не только в его родном полку, но и в других частях соединения».

Дмитрия Оскаленко вспоминает также не менее известный лётчик-истребитель, дважды Герой Советского Союза Н. Ф. Кузнецов: «Когда встал вопрос: кого из фронтовиков позвать на митинг Ленинградской молодёжи, в числе других была названа фамилия лётчика-истребителя Дмитрия Оскаленко, позднее удостоенного звания Героя Советского Союза. Митинг состоялся 14 августа, в Таврическом дворце. Оскаленко приехал с опозданием, потому что принимал участие в отражении вражеских налётов. Он выступил и на митинге у писателя Всеволода Вишневского и сказал, что, несмотря на трудности, воины полны решимости разгромить зарвавшегося врага. Затем рассказал о своём опыте ночных полётов и обратился с призывом ко всем воинам фронта: “Первым нападай на врагов, сколько бы их ни было. Выигрывай каждую секунду в бою. Этим и достигается победа”».

26 сентября 1942 года в бою над Невской Дубровкой был подбит самолет Дмитрия Оскаленко, летчик успел выпрыгнуть из самолета, но высота была слишком мала – парашют не успел рас-

крыться. Одна из эскадрилий 26-го истребительного авиационного полка была названа его именем. В 1965 году именем героя, совершившего за первые несколько месяцев войны 197 боевых вылетов и сбившего в ходе 33 воздушных боев 14 фашистских самолетов (из них три в условиях ночного боя), была названа одна из ленинградских улиц. 14 февраля 1943 года Дмитрию Оскаленко было присвоено звание героя Советского Союза посмертно. В тот же день полку было вручено гвардейское знамя.

Народный артист СССР В. Р. Гардин так вспоминает те дни: «Возвращаясь поздно вечером после концерта (это было 27 сентября 1942 года), мы нашли стоящим у калитки нашей дачи одного из летчиков эскадрильи Мациевича. Мне сразу показалось странным выражение его лица. На наше приветствие он еле ответил. Помолчал с полминуты, глядя куда-то в сторону, потом сказал:

– Дима Оскаленко не вернулся. Погиб в бою...

Постоял с минуту и пошел, забыв попрощаться с нами. Молодой, красивый, веселый, дружелюбный Оскаленко был че-

*Рассказ о воздушном бое (рассказывает Н. Аполлонин).
Крайний справа – капитан Д. Оскаленко. 1942 г.*

ловеком поистине незаурядных душевных качеств. Он был летчиком по призванию, бойцом по характеру. Отвага и мужество в бою были естественным продолжением его личных свойств. Именно поэтому его так любили друзья. В моем сознании до сих пор понятие «Герой Советского Союза» неизменно остается связанным с обликом и характером Дмитрия Оскаленко».

Супруга Гардина актриса Т. Д. Буллах посвятила отважному летчику следующие строки:

Мне кажется – со мною невидимка.
Душа поэта, мальчика и аса...
Такой ты был застенчивый и милый,
Дмитрий Оскаленко, Дима, Димка!
Не верится, что есть твоя могила,
Живой ты с нами, только невидимка.

1944 год

Одна из улиц Приморского района носит имя летчика-героя Савушкина, справа в сквере находится памятник, посвященный летчикам, Героям Советского Союза Оскаленко, Покрышеву и Савушкину. Каждый год в канун Дня Победы жители города возлагают цветы, отдавая дань героям – защитникам ленинградского неба.

Среди героев 26-го истребительного полка достойное место занимает Алексей Тихонович Севастьянов. Нам бы хотелось подробнее рассказать об этом отважном летчике, защищавшем ленинградское небо. Алексей родился и вырос в небольшой деревеньке Холм, что находится в Тверской области, в простой крестьянской семье. В 1939 году, отслужив срочную в Красной Армии, окончил военную авиационную школу и начал служить в Белорусском военном округе. Войну Севастьянов встретил в Бресте, затем были воздушные сражения под Москвой, а потом защита Ленинграда.

Работа летчиков-истребителей в блокадном городе была невероятно сложной. Фронт начинался там, где заканчивались

трамвайные маршруты. Бомбардировщики врага, шедшие с запада, оказывались над Дворцовой площадью, всего через две минуты после их обнаружения постами наблюдения. Нередко сигнал воздушной тревоги раздавался одновременно с гулом бомбардировщиков противника. Нашим истребителям приходилось постоянно дежурить в воздухе. Как один из лучших летчиков Севастьянов Алексей Тихонович попадает в ночной 26-й истребительный авиационный полк, в котором в ту пору была собрана элита воздушных сил, настоящие воздушные асы, базировавшийся на аэродроме Горская.

4 ноября 1941 года младший лейтенант Севастьянов на самолёте И-153 патрулировал небо на подступах к Ленинграду. Около 22.00 начался налёт вражеской авиации на город. Несмотря на огонь зенитной артиллерии, одному бомбардировщику He-111 удалось прорваться к Ленинграду. Севастьянов атаковал противника, но промахнулся. Он второй раз настиг вражеский самолет и открыл огонь с близкого расстояния, но снова неудача. Подойдя вплотную, он снова нажал на гашетку, но выстрелов не последовало – кончились патроны. Чтобы не упустить врага, мужественный летчик решил на таран. Приблизившись сзади к «хейнкелю», он отрубил ему винтом хвостовое оперение. Это был первый таран в ночном небе над Ленинградом. Младший лейтенант Севастьянов с трудом покинул свой поврежденный истребитель и дернул кольцо парашюта. Вражеский бомбардировщик упал в районе Таврического сада, его экипаж, выбросившийся на парашютах, был взят в плен. Упавший истребитель Севастьянова был найден в районе Баскова переулка и восстановлен специалистами 1-й ремонтной базы.

Всего за 1941–1942 года младший лейтенант А. Т. Севастьянов совершил около 100 боевых вылетов. В воздушных

А. Т. Севастьянов

боях сбил 2 самолёта лично и 2 в группе, уничтожил аэростат наблюдения.

23 апреля 1942 года А. Т. Севастьянов погиб в неравном воздушном бою, защищая «Дорогу жизни» через Ладогу, в районе поселка Рахья. 6 июня 1942 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Давно закончилась война, и прошло немало лет, когда ветераны полка решили найти место гибели однополчанина. Им помогли старожилы окрестных деревень, школьники-следопыты посёлка Рахья. 15 июня 1971 года в торфяном болоте, на глубине 1,5 метров был обнаружен самолёт. Сохранились останки героя, его личные вещи и документы. Уцелел орден Ленина, удостоверение личности Севастьянова, его записная книжка, компас, часы, пистолет, ракетница. Прошло 28 лет, а всё сохранилось. В стволе пулемёта – патроны: лёгчик вёл огонь до последней минуты.

21 июня 1971 года жители Ленинграда участвовали в захоронении праха прославленного лёгчика. Сотни тысяч ленинградцев вышли отдать долг памяти одному из тех, кто пожертвовал жизнью, чтобы защитить город на Неве. Почти через весь город по самым оживлённым проспектам – Суворовскому, Невскому, Майорова, Измайловскому, Московскому, Гагарина – проехал в сопровождении почётного караула бронетранспортёр с орудийным лафетом, на котором был установлен гроб с останками Героя. Это был его последний путь...

На Чесменском кладбище перед захоронением состоялся торжественный митинг. Сюда пришли тысячи людей, молодых и старых, и переживших блокаду, и родившихся после войны.

Летчик Севастьянов навечно зачислен в списки воинской части. Его именем названы Дом культуры в селе Первитино Лихославльского района, 358-я школа в Санкт-Петербурге. Его подвигу посвящен документальный фильм «Герои не умирают». А в нашем городе его имя носит улица в районе парка Победы.

Мы подводим итог повествованию о военных страницах истории аэродрома Горская, рассказав о самых известных героях, служивших здесь. Их славу по праву разделили безымянные летчики, техники, механики, радисты. Жители Сестрорецка и близлежащих поселков, работавшие в годы блокады и войны, также являлись обслуживающим персоналом аэродрома. Пусть о них не писали в передовицах газет, но их труд и отвага также помогли защитить город и приблизить долгожданный День Победы.

Для аэродрома наступила мирная жизнь. В послевоенные годы аэродром Горская продолжил охрану воздушных границ нашей Родины, являясь учебным аэродромом Высшей школы младших авиаспециалистов ПВО. За это время школа подготовила несколько тысяч авиационных специалистов для Министерства обороны и гражданской авиации, многие из которых стали заслуженными летчиками России, в том числе летчики-космонавты В. Джанибеков и С. Крикалев.

В 1978 году высшая школа была передислоцирована, и в этом же году, с согласия командира части № 13688 от 17.07.78 г., аэродром Горская был передан в распоряжение аэроклуба ДОСААФ СССР. Началась новая, мирная страница в истории аэродрома.

Жители Сестрорецка и поселков Лисий Нос, Горская, особенно те, чье детство пришлось на конец 70–80-х годов без труда вспомнят, как в ясную погоду с неба доносился легкий стрекот авиационного мотора, и перед глазами возникнет неторопливо бороздящий небо миниатюрный самолетик, кажущийся игрушечным. А если повезет, то можно было увидеть, как из самолета рассыпались маленькие точки, расцветавшие потом белоснежными куполами парашютов.

Из воспоминаний сестрорецких школьников 80-х гг.:

«Это были еще те времена, когда мальчишки мечтали о службе в армии, а нашими кумирами, примерами для подражания были солдаты, служившие в военно-воздушных силах или десантники. Никто и подумать не мог, что пройдет буквально три-четыре года и принципиальные, идеологически правильные, наивные отечественные герои будут сметены разномастными героями

иностранных видеофильмов и боевиков. Насмотревшись фильмов про службу в десантных войсках (это была дилогия «В зоне особого внимания» и «Ответный ход»), мы доезжали до остановки 309 автобуса и там, ориентируясь по гулу самолета и видя приземляющихся парашютистов, шли в направлении аэродрома, напрямик через весенние, полноводные канавы и заболоченное мелкоколесье. С самого аэродрома нас никто не прогонял, и мы часами могли смотреть на подготовку парашютистов на земле, взлет самолетов-кукурузников и, конечно же, цель нашего путешествия – парашютные прыжки на точность, когда спортсмену-парашютисту нужно было приземлиться на разложенную на земле мишень, непременно коснувшись ногой ее центра. Домой возвращались уже под вечер, промокшие, замерзшие, но довольные, полные впечатлений от увиденного».

За годы существования аэроклуба тысячи юношей и девушек, влюбленных в небо, прошли здесь летную и парашютную подготовку. Аэроклуб занимался тремя направлениями: самолетным, планерным и парашютным спортом. Причем, оставшись в вынужденном одиночестве из-за разрастающегося мегаполиса, аэроклуб в Горской являлся и является по сей день правопреемником старейшего Всероссийского аэроклуба, основанного в 1908 году с «целью содействовать развитию воздухоплавания в России во всех его формах и применениях».

В 1990-2000 годах камнем преткновения для аэродрома стал вопрос о земле. Оказавшись в непосредственной близости от Кольцевой автодороги, он стал представлять немалый интерес для петербургских девелоперов и строителей. Тем не менее, законность исторического места аэроклуба удалось доказать, и аэродром остался на своем месте. В 2008 году здесь прошел розыгрыш Гран-при России по одному из самых зрелищных видов спорта – вертолетному. Соревнования были приурочены сразу к двум юбилеям – 50-летию вертолетного спорта в России и 100-летию Санкт-Петербургского аэроклуба.

В настоящее время аэродром Горская оснащен бетонной взлетно-посадочной полосой, обеспечивающей безопасный мяг-

кий взлет и посадку, а также проведение парашютных прыжков с самолета Ан-2 и пилотажных полетов на самолетах Як-52. И сейчас в солнечные, погожие дни все так же можно услышать стрекот одинокого самолета над Разливом, увидеть разноцветные купола парашютистов, а это значит, что аэродром жив, несмотря на все выпавшие за его 75-летнюю историю трудности.

Нам кажется, что на этом настоящая история аэродрома Горская – Лисий Нос не заканчивается и его ждет не менее блестящее будущее. Позволим себе немного пофантазировать.

Во всем мире частный самолет давно превратился из мечты в комфортное средство передвижения, а малая авиация в целом — в достаточно рентабельную отрасль. Эксперты полагают, что авиатакси — это перспективное будущее транспортной системы. Именно создавая движение в воздушном пространстве мегаполисов, можно будет решить проблемы на дорогах. Мировой опыт использования авиатакси свидетельствует о преимуществах и удобствах данной услуги именно для жителей мегаполисов. Ведь гораздо приятней парить над пробками, чем стоять в них. Возможно, что уже в ближайшие десятилетия воздушные маршрутки станут привычным транспортом, на котором можно будет добраться на работу или поехать на дачу.

Список использованной литературы

1. Александрова Е. Л., Федоров В. М. Приморский район Санкт-Петербурга: от истоков до наших дней. — СПб., 2007.
2. Богданов И. А. Лахта. Ольгино. Лисий Нос. — СПб., 2005.
3. Буров А. В. Блокада день за днём. 22 июня 1941 г. — 27 января 1944 г. — Л., 1979.
4. В осажденном Ленинграде / сост. Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович. — Л., 1982.
5. 900 героических дней: сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда 1941-1944 г.г. / сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Серднук. — М.; Л., 1966.
6. Дворянский Е.М., Ярошенко А.А. В огненном кольце. — Таллин, 1977.
7. Лисий Нос : ист. очерк. — СПб., 2001.
8. Очерки по истории Ленинграда : [в 7 т.] / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.; Л., 1955–1989. — Т.5. — 1967.

9. Федоров В. М. В двух шагах от фронта // Петербургский район. – 2008. – №13. – С. 8.
10. Федоров В. М. Защищая Ленинград // Петербургский район. – 2005. – №4. – С. 2, 3.
11. Федоров В.М. Как защищали Ленинград // Черная речка. – 2008. – №4. – С. 2, 3.
12. Федоров В. М. Главный аэродром Ленинграда // Комендантский аэродром. – 2008. – №8. – С. 4.
13. [Цикл статей по истории аэродрома «Горская»] // Здравница Санкт-Петербурга. – 2011. – №№ 17, 24, 35; 2012. – №№ 2, 9.
14. 60 лет Победы. Приморский район / сост. В.М. Фёдоров. – СПб., 2005.
15. Свободные материалы из сети Интернет

Авторы очерка по истории аэродрома Горская продолжают исследование этой малоизученной темы и будут признательны всем, кто сможет поделиться информацией по истории этого уникального аэродрома.

Аркадий Файвишевич Векслер,
исследователь

1-я Советская улица¹

Дом № 12

В 1888–1898 гг. участком, купленным у Е. И. Полонской, владели почётная гражданка Александра Климентьевна Егорова и мещанин Григорий Григорьевич Романов¹, в 1900–1908 – только последний, а затем – его наследники, продавшие участок после 1910 г. крупному домовладельцу, действительному статскому советнику, инженеру путей сообщения Петру Евтихиевичу Сувчинскому.

П. Е. Сувчинский происходил из дворян Подольской губернии (возведён во дворянство указом от 6 апреля 1855 г. вместе с отцом, братьями Михаилом, Афанасием, Александром и сестрой Наталией). Окончил гимназию в Киеве и институт Корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге. В 1867 г. коллежский секретарь, чиновник ведомства путей сообщения. Как инженер путей сообщения работал преимущественно на дорогах южных направлений. В 1892 г. надворный (в 1898-м статский) советник, председатель (в 1898-м директор) Акционерного общества Юго-Восточных железных дорог. Преподавал в железнодорожных технических училищах в Москве и Петербурге. Жил в Петербурге в д. 59 на Б. Морской, пока в 1901 г. не приобрёл первый свой собственный д. № 10/1 на углу Большой и Малой Московских ул. В 1904–1910 гг. действительный статский советник, председатель правления Русского товарищества «Нефть». В 1911 г. оставил службу и занялся приобретением недвижимости в Петербурге.

¹ Продолжение. Начало см.: Векслер А. Ф. 1-я Советская улица // Фонтанка. 2014. № 16. С. 20–35.

К 1913 г., кроме дома на Б. Московской, где жил с семьёй, и д. 12 в 1-й Рождественской, владел домами № 12/2 на углу Б. Московской и Свечного пер., № 3 на Захарьевской, № 96/38 на углу Большого и Каменноостровского пр. и № 47 на Суворовском. С 1914 г. после смерти Сувчинского вся недвижимость перешла к его вдове Анне Ивановне, жившей в д. 10 на Б. Московской ул. Управлять её многочисленными домами продолжил Евстигней Ильич Ильин.

В доме Сувчинской в 1-й Рождественской жили: владелец мебельного дома «Лион», лесопромышленник, коллежский асессор Иван Федорович Борисов, дворянин Александр Карлович Гаммер, чиновник канцелярии е.и.в. по учреждениям императрицы Марии, статский советник Алексей Иванович Георгиевский (1865–1942, умер в этом доме в блокадном Ленинграде), инженер-технолог Иван Иванович Ефимов, Виктор Марианович Каменецкий, его жена Таисия Михайловна и сын Виктор, Григорий

Дом № 12 по 1-й Советской ул. Современ. фото

Петрович Падучев. Ефим Матвеевич Малаховский содержал здесь типографию и переплетную мастерскую, вдова купца Мария Капитоновна Пагольская – контору по продаже строительных материалов.

В 1930–1940-х гг. здесь жили: Александр Васильевич Аккуратов (кв. 86), Андрей Семёнович Алексеев и его дочь Алла (кв. 80), Владимир Степанович Вавилин и его Николай (кв. 6), Владимир Минаевич Васильев и его сестра Валентина Минаевна Бушкова (кв. 42), Фёдор Иванович и Нина Фёдоровна Воронины² (кв. 20), Фёдор Сергеевич Генералов (кв. 11), Евгений Васильевич Евстифеев и его мать Мария Ильинична Томилина (кв. 18), преподаватель курса органической химии в Ленинградском институте холодильной промышленности Валентина Фёдоровна Казимилова (кв. 20), военный врач Виктор Викторович Каменецкий и Т. М. Каменецкая (кв. 7), инженер Василий Митрофанович Кисленков (кв. 78), семья Василия Павловича Кудряшова (кв. 12), Борис Александрович Куликов и его мать Александра Ивановна (кв. 75), Самуил Григорьевич Левин, его мать Ревекка Самуиловна и сестра Елена (кв. 62), Ефим и Хаим Давидовичи Маграчёвы и радиожурналист Лазарь Хаимович (Ефимович) Маграчёв (кв. 16), Георгий Андреевич Платонов и его мать Агриппина Ивановна (кв. 54), Петр Михайлович Постников (кв. 23), Николай Дмитриевич Пугачев, его жена Александра Степановна Малькова и дочь Людмила (кв. 7 или 70), Иван Васильевич Саулин (кв. 72), ответственный исполнитель по аварийно-претензионным делам треста «Ленлесосплав» Павел Михайлович Третьяков³ (кв. 29), Ольга Ивановна и Иван Васильевич Фёдоровы и их сын Сергей (кв. 72), техник треста «Ленлес» Ян Иосифович Шимановский⁴ (кв. 15).

В боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны участвовали жители дома А. В. Аккуратов, А. С. Алексеев, Н. С. Вавилин, В. М. Васильев, Ф. С. Генералов, Е. В. Евстифеев, В. В. Каменецкий, В. П. Кудряшов, Б. А. Куликов, С. Г. Левин, Л. Х. Маграчёв, Г. А. Платонов, Н. Д. Пугачев, И. В. Саулин, С. И. Фёдоров, в отряде МПВО – П. М. Постников.

А. В. Аккуратов (1896 – после 1941) призван в Красную армию Смольнинским РВК. Красноармеец, телефонист 281-й стрелковой дивизии. Пропал без вести 17 августа 1941 г.⁵

А. С. Алексеев (1903 – после 1950), участник обороны Ленинграда. Красноармеец, стрелок 842-го стрелкового полка тяжело ранен 5 марта 1944 г. Находился на излечении в госпиталях до мая 1946 г., после чего признан инвалидом Отечественной войны 1-й группы. По ходатайству районного военного комиссара Указом Президиума Верховного Совета СССР №: 209/852 от 30 мая 1951 г. награждён орденом Отечественной войны II степени. Дочь Алла, 1937 г. р. умерла в блокадном Ленинграде.

Н. С. Вавилин (1921 – после 1941), урож. ст. Пестово в Новгородской губ. Призван в Красную армию Октябрьским РВК Ленинграда. Красноармеец, пропал без вести в декабре 1941 г.⁶ Его отец В. С. Вавилин, 1879 г. р. умер в блокадном Ленинграде в январе 1942 г. (Блокада, т. 4).

В. М. Васильев (1925–1944) призван в Красную армию Смольнинским РВК 22 июня 1941 г. Воевал на Ленинградском (август 1941 – июнь 1943), Центральном (июль – ноябрь 1943) и 1-м Украинском фронтах. С мая 1944 г. в звании старшины командовал стрелковым взводом 507-го стрелкового полка 148-й стрелковой Черниговской дивизии 23-го стрелкового корпуса. В бою 17 июля 1944 г. за высоту 416,0 и населённый пункт Подлище взвод принял бой с девятью немецкими танками и уничтожил более 20 солдат противника. В неравном бою В. М. Васильев пал смертью храбрых⁷. Приказом командира корпуса от 19 октября 1944 года № 079/н посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 42659801).

Ф. С. Генералов (1906 – после 1941), урож. дер. Заборье Лепельского у. Витебской губ. Призван в Красную армию Смольнинским РВК. Красноармеец, считается пропавшим без вести в декабре 1941 г. Извещение передано племяннице Валентине Васильевне Генераловой, поскольку другие родственники погибли в блокадном Ленинграде⁸.

Е. В. Евстифеев (1911–1944), гвардии лейтенант, командир саперного взвода 7-го отдельного танкового полка прорыва. Погиб в бою 25 июля 1944 г. Похоронен в дер. Юнашкув в Станиславской обл. УССР⁹.

В. В. Каменецкий (1899–1948) урож. Петербурга (родился в этом доме). Состоял в РККА с 1918 по 1922 г., в должности командира взвода 8-й армии участвовал в гражданской войне. С 1929 г. по окончании Военно-медицинской академии служил врачом в частях ЛенВО. С начала Великой Отечественной войны в звании подполковника медицинской службы в действующей

Место для штампа *Мемориал Марше Чкалова Ленинград. 1^я Советская 7.12 кв.18* *1807/8* Форма 4

Обданный Маниловым
М.П. Верно
25 июля 1944, в 1919

ИЗВЕЩЕНИЕ

04919-48

Ваш Сын командир взвода сапер Е.В. Евстифеев
(муж., сын, брат, военно-звание)

Евстифеев Евгений Васильевич
(фамилия, имя и отчество)

уроженец _____
(область, район, деревня и село)

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, ~~был~~ погиб 25 июля 1944 года

(убит, ранен и номер от ран)

похоронен дер. Юнашкув, Станиславская обл., Советская ул. р. Юнашкув
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 280-1944.)

М.П. Командир штаба
Е.В. Подполковник (подполковник)
(Городской или районный военный комиссар)
Искандер Мамедов (Мамедов)
М.П. Верно
25 июля 1948г.

8-я тип. ВИ МВС, Вак. 583-15000

Извещение о смерти Е. В. Евстифеева (публикуется впервые)

армии. В сентябре 1941 г. ему поручается организация Полевого подвижного госпиталя № 2226 в 23-й армии Ленинградского фронта. Благодаря его умелому руководству госпиталь быстро стал одним из лучших в армии, где оказывалась квалифицированная хирургическая помощь раненым. Оборудованная своими силами электростанция обеспечила электроосвещением все палаты и операционные госпиталя зимой 1941–1942 гг. Назначенный затем начальником Эвакогоспиталя № 258 В. В. Каменецкий организовал первые в медико-санитарной службе армии нервное и физиотерапевтическое отделения. Получив новое назначение начальником Хирургического полевого подвижного госпиталя № 736, В. В. Каменецкий силами личного состава госпиталя привёл в порядок запущенное деревянное здание, преобразовал госпиталь в образцовое военно-лечебное учреждение, где были созданы все условия и возможности для оказания высококвалифицированной медицинской помощи, для применения на практике опыта специалистов-хирургов. Приказом командующего 23-й армией от 19 октября 1943 г. № 0552/н В. В. Каменецкий награждён орденом Красной Звезды (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 19403905). В том же году ему вручена медаль «За оборону Ленинграда». В период наступательных боёв на Карельском перешейке ХППГ № 736, являясь госпиталем первой линии, принял 5000 раненых, большинство из которых после оказания первичной хирургической помощи были организованно переправлены в тыловые госпитали. Приказом командующего 23-й армией от 19 июля 1944 г. № 0287/н В. В. Каменецкий награждён орденом Отечественной войны II степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 35535920), после чего подполковник медицинской службы В. В. Каменецкий был назначен начальником Эвакогоспиталя № 55, где он также успешно проявил свои способности организатора и администратора, отлично управляя большим специализированным госпиталем. После передислокации госпиталя в Выборг в рекордно короткие сроки было восстановлено отведённое под госпиталь здание и начато полноценное лечение раненых, поступающих с Курляндского

плацдарма, из Восточной Пруссии и армии маршала Рокоссовского. За самоотверженную работу по организации квалифицированной медицинской помощи большому количеству раненых, исключительную смелость и личное мужество, широкую инициативу приказом командующего армией от 5 июня 1945 г. № 0253 подполковник медицинской службы В. В. Каменецкий награждён орденом Красного Знамени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 37034099). После окончания военных действий служил начальником учебного отдела школы сержантов медицинской службы и на этой должности умер 1 марта 1948 г.¹⁰. Его мать М. Т. Каменецкая умерла в блокадном Ленинграде в апреле 1943 г. в 67-летнем возрасте (Блокада, т. 12).

В. П. Кудряшов (1900 – после 1944), урож. дер. Трохово Старорусского у. Новгородской губ. Призван в Красную армию Смольнинским РВК 29 октября 1941 г. Красноармеец в/ч п/п 75723-Т. Пропал без вести в апреле 1944 г.¹¹ Розыск вела жена Прасковья Яковлевна. В блокадном Ленинграде в марте 1943 г. умерла его 17-летняя дочь Валентина (Блокада, т. 16).

Б. А. Куликов (1917 – после 1941), урож. гор. Москвы, призван в Красную армию Смольнинским РВК 24 октября 1940 г. Красноармеец 438-го артиллерийского полка. Пропал без вести в декабре 1941 г.¹²

С. Г. Левин (1921–1942), урож. Петрограда. Призван в Красную армию Смольнинским РВК. Гвардии младший лейтенант, командир огневого взвода 62-го Гвардейского миномётного полка 3-й танковой армии. Погиб при выполнении боевого задания 22 августа 1942 г. Похоронен в лесу в 300 м южнее слободы Новогрынь в Смоленской обл.¹³

Л. Х. Маграчёв (1914–1988), урож. Петрограда. Учился в строи-тельном техникуме, музыкальной школе, окончил несколько курсов Педагогического института им. Герцена. С 1937 г. работал внештатным сотрудником детской редакции Ленинградского радио, вместе с Матвеем Фроловым участвовал в организации детского вещания, стал автором многих радиопостановок для детей. В годы Великой Отечественной войны в звании политрука

военный корреспондент фронтовой редакции Ленинградского радио (фронтовой радиогазеты), он выезжал с микрофоном на передовые позиции, корабли Балтийского флота, в авиационные части. Сохранившиеся записи его репортажей передают грозную атмосферу тех лет, доносят до потомков голоса защитников и жителей осажденного Ленинграда. Приказом командующего Ленинградским фронтом от 19 октября 1942 г. № 2215/н награждён медалью «За отвагу» (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 10432493). В представлении к награждению, подписанном председателем Ленрадиокомитета Широковым, сказано: «Всю войну работает на Ленин-градском фронте военным корреспондентом; исключительно энергичный, инициативный работник, выполнявший самые трудные задания, не считаясь с опасностью для жизни. Вел десятки радиорепортажей с передовых позиций, зачастую под артиллерийским и минометным обстрелом и во время бомбардировок с воздуха.

Тов. Маграчев создал ряд талантливых, глубоко волнующих передач, таких как “Переправа танков через Неву”, репортаж с

*Радиооператор Любовь Спектор
и радиожурналист Лазарь Маграчев.
Фото 1942 г. из архива Ленинградского радио*

места разрыва вражеского снаряда – выступление матерей; “Бронепоезд в бою” и т. д.

Тов. Маграчев работает с исключительным энтузиазмом и преданностью, он не даёт покоя ни себе, ни другим, пока не добьётся высокого качества записей, точного выполнения заданий командования».

Несмотря на столь высокую оценку своей работы, Лазарь Маграчев был обвинен в фальсификации репортажей – он, якобы,

брал интервью в студии, а после монтировал их с записями взрывов; за полтора года до конца войны был изгнан с Ленинградского радио. Через полгода справедливость была восстановлена, и он возобновил работу в Доме радио. В январе 1944 г. Маграчёв вел радиопередачу с Невского проспекта, где ленинградцы праздновали полное освобождение города от вражеской блокады. Весной 1945 г. находился в воинских частях, штурмовавших столицу гитлеровского рейха, и 2 мая передал в родной город по телефону репортаж, начинавшийся словами: «Внимание! Говорит Берлин! Ваш корреспондент включил микрофон на главной здешней улице...», а 9 мая в числе нескольких журналистов вёл радиопередачу на Ленинград о подписании акта капитуляции гитлеровской Германии.

В годы «борьбы с космополитизмом» и «Ленинградского дела» Лазарь Маграчёв спас от уничтожения блокадные радиоархивы. В частности, им была сохранена запись стихотворения Константина Симонова «Жди меня» в исполнении автора. Выступал на радио, а впоследствии и в печати как Лазарь Ефимович Маграчёв, взяв более благозвучное отчество по имени своего дяди, старшего брата отца. Оба они умерли в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г.: отец в возрасте 70, а его брат – в возрасте 75 лет (Блокада, т. 18).

В 1959, 1962, 1972 и 1989 гг. вышли книги воспоминаний Лазаря Маграчёва о его журналистской работе в годы блокады и в послевоенном Ленинграде.

В честь 40-летия Победы Л. Х. Маграчёв Указом Президиума Верховного совета СССР от 6 апреля 1985 г. награждён орденом Отечественной войны II степени (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 1516099445). Имя Лазаря Маграчёва высечено на гранитной мемориальной доске у входа в здание Ленинградского радио, в доме № 27 по Итальянской ул.

Г. А. Платонов (1915 – после 1945) урож. Петрограда. Призван в Красную армию Смольнинским РВК. Из письма матери, хранящегося в деле Главного управления кадров Наркомата обороны, куда она обращалась с вопросом о судьбе сына, переписка с

которым прекратилась в декабре 1943 г., следует, что он с первых дней войны воевал на Брянском, затем на Западном фронте, был несколько раз ранен. В июне 1943 г. направлен в школу младших лейтенантов в г. Щёлково Московской обл., по окончании которой – в воинскую часть ППС 11129-С. Сотрудники Главного управления кадров установили, что лейтенант Г. А. Платонов служил в 136-м стрелковом полку 97-й стрелковой дивизии, 31 января 1945 г. был арестован за дезертирство, и по состоянию на 19 мая 1945 г находится в Вяземской тюрьме¹⁴.

Мой сын Платонов Георгий Андреевич рожд. 1915 г.
уроженец гор. Ленинграда призван в РККА с
первых дней войны казавше Рыжового на Брянский
фронт, там ранен, лечен в госпитале, после чего направлен
на Западный фронт, ослеб ранен, лечен в госпитале, ослеб
на фронт, а отсюда в 1943 г. Им направлен в школу
гор. Щёлково Моск. Обл. в ППС 54304. Затем, Мл. лейтенантом
направлен в воинскую часть ППС 11129-С последнее письмо
от него в полицию 2. XII. 43 г. после этого никаких
сведений не имею.

Сейчас в семье Николая Платонова, сестры и су-
ществующим не имею, раньше находилась по имени -
Валентина, а сестры из РККА. отом, что сын сиротой
в армии и не имеет полицию.

Уединенная квартира отвечает мне что с сыном
искали, убит, ранен, и сын убит, квартиру вышло убитым
лени мне дадут не имею кон матери

Мой адрес: Гор. Ленинград

1^я советск ул. Зои. № 1/2 кв № 54.

Агриппина Ивановна Платонова

ПЧС.

Письмо А. И. Платоновой о розыске сына

П. М. Постников (1900–1942), боец МПВО Смольнинского р-на. Умер от болезни 29 февраля 1942 г.¹⁵

Н. Д. Пугачев (1901–1943), урож. Петербурга. Призван в Красную армию Смольнинским РВК 7 сентября 1941 г. Воевал на Ленинградском фронте до ранения в декабре 1941 г., после излечения и переподготовки с 30 августа 1942 г. – на Сталинградском фронте в составе отдельного пулемётного батальона 299-й Харьковской стрелковой дивизии. В январе 1943 г. сержант, первый номер расчёта станкового пулемёта. За успешные действия в бою и вынос с поля боя из-под огня противника раненого командира отделения приказом командира дивизии от 30 января 1930 г. № 010/н сержант Н. Д. Пугачев награждён медалью «За боевые заслуги» (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 150138465). В феврале назначен командиром отделения. Погиб в бою 15 августа 1943 г. Похоронен в с. Полевое Дергачевского р-на Харьковской обл.¹⁶ Родившаяся в 1941 г. дочь Людмила умерла в апреле 1942 г. (Блокада, т. 25).

И. В. Саулин (1912 – после 1944, до 1985), урож. д. Турово Ленинградской обл. Призван в Красную армию Фрунзенским РВК 15 июля 1941 г. Воевал на Ленинградском фронте в звании старшины в составе 8-й армии. После ранения 16 февраля 1942 г. в бою под Невской Дубровкой и лечения в госпитале признан ограниченно годным к воинской службе и назначен заведующим хранилищем полевого армейского продовольственного склада № 2478, в 1943 г. переданного в состав 67-й армии. При проведении армией наступательных операций зимой и весной 1944 г. быстро и организовано выполнял задания, не допуская простоя транспорта, за что приказом командующего армией от 14 июня 1944 г. № 0312/н награждён медалью «За боевые заслуги» (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 29081665). Родившаяся в 1941 г. его дочь Валентина умерла в блокадном Ленинграде в январе 1942 г. (Блокада, т. 6).

С. И. Фёдоров (1918 – после 1941) призван в Красную армию в октябре 1940 г. Смольнинским РВК. Красноармеец, пропал без вести в октябре 1941 г.¹⁷ Его отец И. В. Фёдоров, 1877 г. р. умер в блокадном Ленинграде в марте 1942 г. (Блокада, т. 32).

В годы блокады Ленинграда дом получил значительные повреждения при разрушении соседнего дома № 10, и от ранений и голода погибло около 80 его жителей, в том числе, младенцы и дети до одного года Женя Иванов (умер в марте 1942), Люда Ковалёва (кв. 4; умерла в январе 1944), Миша Коган (кв. 67; умер в феврале 1942), Игорь Корочкин (кв. 45; умер в марте 1942), Света Кривошлык (кв. 7; умерла в мае 1942), Галя Кувыркова (кв. 67; умерла в феврале 1942), Люда Пугачева (кв. 70; умерла в апреле 1942), Валя Саулина (кв. 72; умерла в январе 1942), дети старше одного года и подростки Борис Андреев (1928 – март 1942; кв. 70), Тома Иванова (1935 – январь 1942; кв. 79), Тамара Кожевникова (1927 – апрель 1942; кв. 8), Люда Кувыркова (1940 – июнь 1942; кв. 67), Маша Кузина (1926 – март 1942; кв. 34), Валя Нестерова (1936 – май 1942; кв. 68), Зоя Пантелеймонова (1933 – март 1942; кв. 67), Жора Прокофьев (1931 – февраль 1942; кв. 66), Олег Фролов (1941 – октябрь 1942; кв. 3), Бронислав Юпашевский (1933 – февраль 1942; кв. 10); старейшие жители дома А. И. Георгиевский (кв. 61), Дарья Антоновна Зякина (1970 – январь 1942; кв. 7), Анисья Михайловна Михайлова (1868 – январь 1942; кв. 12), Анна Васильевна Остроумова (1860 – январь 1942; кв. 50), Елена Петровна Петрова (1867 – февраль 1942; кв. 38), Илья Варсонофьевич Цветков (1869 – апрель 1942) и Екатерина Антоновна Цветкова (1871 – апрель 1942; кв. 19), Юлия Устиновна Чеботаренко (1860 – февраль 1942), Соломон Романович Шулькин (1864 – март 1942, кв. 18; в 1917 г. почётный гражданин, провизор; жил на Херсонской, 5).

Ныне в доме находятся хостел и мини-отель «Old Flat».

Дом № 14/ Невский пр., 126/Суворовский пр., 2¹⁸

В 1860-х гг. участок Масленниковых. В имевшемся здесь доме в 1867 г. жил содержатель каретного заведения купец 2-й гильдии Николай Масленников.

Доходный трехэтажный дом на участке наследников купца Василия Степановича Тулякова построил в 1883 г. архитектор по-

лиции и Александро-Невской лавры техник-строитель Г. И. Карпов. Позже дом был надстроен 4-м этажом. В 1895–1898 гг. дом посудного торговца, петербургского купца 2-й гильдии Василия Савельевича Савельева (умер в августе 1898 г.). В 1900–1917 гг. домовладение принадлежало Александре и Василию Александровичам Савельевым, Василию Лукичу, Василию, Татьяне и Ольге Васильевичам Никольским. Все они жили близ Пантелеймоновской церкви в доме 5 по Косому пер., совместно владея этим домом, сдаваемым внаём.

В конце XIX в. здесь жили Екатерина Алексеева Исаева, владелец переплетной мастерской и фабрики картона для железнодорожных билетов Лейба-Гирш Райбштейн, подвизавшийся на частной службе Моисей Рубинович Фойгельсон, Надежда Васильевна Худоярова. Алексей Григорьевич Григорьев содержал прачечное заведение, крестьянин Василий Иванович Зязин – железную торговлю, купец Александр Васильевич Масленников – яичную торговлю.

В 1917 г. в доме 14 жили: чиновник Контроля Николаевской железной дороги надворный советник Павел Хрисанфович Ильенко и его жена Евгения Александровна, Анна Ивановна и Варвара Алексеевна Марагаевы.

При пробивке в 1906 г. начала Суворовского пр. возник довольно сложный топонимический казус: дом 126 «переехал» на 1-ю Рождественскую ул. и находится там поныне, а Суворовский начинается домами с загадочными номерами 1А и 2А.

В 1907–1908 гг. здесь в типографии, нанимаемой почётным гражданином Борисом Марковичем Вольфом, печатался журнал «Образование»¹⁹, редактируемый писателем и общественным деятелем директором Тенишевского училища Александром Яковлевичем Острогорским.

А. Я. Острогорский (1868–1908) окончил юридический факультет Петербургского университета. Когда князь Тенишев основал в 1899 г. свое училище особого типа, он пригласил Острогорского стать его директором. Острогорский применял там новые приемы образования и воспитания, чуждые школьной

рутины, обращая преимущественное внимание на индивидуальность учащихся. Его труды: школьная хрестоматия по русской литературе «Живое Слово» (1907; 11-е изд., 1915), признаваемая лучшим пособием этого рода для ознакомления учащихся с родною словесностью; «Русское правописание» (СПб., 1908; 11-е изд., 1915); «Как устроить среднюю школу» (СПб., 1903); «Коммерческое образование в России» (СПб., 1895). А. Я. Острогорский активно сотрудничал с Императорским Русским техническим обществом, при котором учредил Высшие юридические курсы, и с Союзом взаимопомощи русских писателей. Журнал «Образование» он редактировал с 1896 г. В «годы свобод» был гласным С.-Петербургской городской думы, выступал на митингах, организовал учительский союз.

В 1913–1917 гг. здесь жили: Антон Иванович Лефлер, коллежский регистратор Иван Фёдорович Лиссонов, Анна Ивановна и Варвара Алексеевна Марагаевы, дворянка Матрёна Александровна Мацулевич. Константин Тимофеевич Капралов содержал булочную, совладелец торговой фирмы «Братья Карякины» (колбасная и сливочная торговля) Алексей Васильевич Карякин – сливочную торговлю, врач Яков Самойлович Магазинер – частную лечебницу, Василий Иванович Степанов – меблированные комнаты и ресторан.

А. И. Введенский

7 декабря 1918 г. здесь открылось кабаре «Ша нуар» (от франц. *chat noir* – чёрный кот). Оно просуществовало около двух месяцев, показав несколько водевилей и буффонных эстрадных номеров. В феврале 1919 г. в помещении кабаре разместился красноармейский клуб²⁰.

В 1920-х гг. здесь жил поэт Александр Иванович Введенский (1904–1941), член петроградского Союза поэтов, стоявший у истоков ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства). Он родился

на Петербургской стороне. Его отец был экономистом, мать – известным в городе врачом-гинекологом. Учился в частной гимназии Л. Д. Лентовской (на углу Бармалеевой ул. и Большого пр.), имевшей сильный состав преподавателей. Директором гимназии был В. К. Иванов, хорошо знакомый с творчеством Салтыкова-Щедрина, иногда заменявший учителя словесности. Классным же наставником и преподавателем истории был А. Ю. Якубовский, будущий академик. Но особое влияние на Введенского имел Л. В. Георг, большой знаток поэзии, лично знакомый с Александром Блоком, всемерно поощрявший в учениках любые литературные занятия. Большой популярностью среди учеников пользовался кружок «Костёр» – детище Георга, в котором знакомились с новой литературой, читали Блока, Ахматову, Гумилева. Введенский был активным участником этого кружка.

После окончания школы в 1921 г. Введенский вначале поступил на юридический факультет университета, но вскоре перешел на китайское отделение Восточного факультета. Однако литературные интересы пересилили, и он прекратил посещение лекций. Теперь его можно было встретить у Н. Клюева или М. Кузмина. Введенского интересовали все современные виды искусства: в то же время он – частый гость в Институте художественной литературы, которым руководил К. Малевич и где преподавал В. Татлин. Чуть позже он знакомится со школой левого искусства – Павлом Филоновым и его учениками. Происходит встреча с Д. Хармсом. Введенский и Хармс декларируют поэтическую платформу «двоих».

Эта встреча определила многое в жизни обоих поэтов. С этого времени их судьбы развивались по той же неровной линии. Хармс стал называться «чинарь-взиральщик», а его друг – «чинарь Авторитет бессмыслицы александрвведенский». Именно так: с маленькой буквы и слитно он подписывает теперь свои опусы. Оба вступили в Союз поэтов, оба напечатали по стихотворению в сборниках Союза – «Собрание стихотворений» и «Костёр» (Л., 1926, 1927). Вскоре к чинарям присоединились Н. Заболоцкий, Д. Левин, И. Бахтерев, К. Вагинов. Их группу пригласил стать

одной из творческих секций Дома печати его директор А. Баскаков. Они назвались ОБЭРИУ, выпустили «Манифест», в котором Введенский характеризуется следующим образом: «А. Введенский (крайне левое нашего объединения) разбрасывает предметы на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, то получается в результате – видимость бессмыслицы. Почему – видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет, нужно быть побольше любопытным и не полениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают».

В канун нового, 1932 г. Введенский был снят с поезда, которым ехал в Москву, и арестован. И хотя ему предъявлялись обвинения в контрреволюционной деятельности, дело шло по «литературному отделу» ГПУ и инкриминировало «отвлечение читателей своими заумными стихами» от задач строительства социализма. 18 июня Введенского освободили из Дома предварительного заключения с предписанием отправиться в ссылку в Курск. Позже он переехал в Вологду. 1933 год Введенский вновь встретил в Ленинграде, где наступил наиболее плодотворный период в его жизни. На страницах всех ленинградских детских журналов публикуется масса его стихов и рассказов.

В 1936 г., приехав по литературным делам в Харьков, Введенский познакомился с Галиной Викторовой, которая вскоре стала его женой. Но все литературные связи оставались в Ленинграде, а после разгрома редакции, руководимой С. Я. Маршаком, и переезда его в Москву, – в столице. Сюда посылались рукописи, иногда удавалось и самому приехать. В Харькове написано самое большое из сохранившихся произведений Александра Введенского – пьеса «Ёлка у Ивановых» (1938).

О гибели Александра Введенского существует несколько версий. По одной из них, когда в сентябре 1941 г. немцы стали приближаться к Харькову, его семья должна была эвакуироваться в

тыл. Был подан состав, погружены вещи, устроились женщины и дети. А поезд всё не трогался. Было сказано, что они поедут только на следующий день. Александр Иванович решил ненадолго отлучиться. Когда он вернулся, его арестовали. Основанием послужило то, что будто бы он хотел остаться под немцами. Эшелон с арестантами долго шёл на восток. Где-то в степи Введенский умер от дизентерии. В его семье хранился документ, свидетельствующий, что «...уголовное дело по обвинению Введенского Александра Ивановича, 1904 г. р., на день ареста 27 сентября 1941 г. проживающего в г. Харькове, постановлением Управления КГБ при СМ УССР по Харьковской области от 30 марта 1964 г. прекращено по п. 2 ст. 6 УПК УССР, т. е., за отсутствием состава преступления». Его рукописи чудом спас в блокадном Ленинграде Я. С. Друскин. Исследованию жизни и творчества А. И. Введенского посвящено немало работ²¹, по которым и составлена его биография.

В 1930–1940-х гг. здесь жили сотрудник треста «Лентрамвай» Георгий Михайлович Аверин (кв. 8), сотрудник проектного института «Ленгипроторф» Эммануил (Меер) Григорьевич (Герцевич) Бак (кв. 41), инспектор Дорожно-транспортного совета Осоавиахима Октябрьской железной дороги Константин Николаевич Жаглевский²² (кв. 30), Сергей Изосимович Изосимов, его сын Валентин и дочь Мария (кв. 16), Павел Алексеевич Крутиков, его сын Владимир и дочь Тамара (кв. 24), служащий Областного финансового отдела Семён Георгиевич Николаев (кв. 40), механик Лев Григорьевич Пикштейн и его жена Рахиль Абрамовна (кв. 40), Виктор Яковлевич Стругалёв, его жена и сын Борислав (кв. 25), Дмитрий Николаевич Ченгин и его мать Наталья Михайловна (кв. 46), Владимир и Леонид Фёдоровичи Чугуновы и дочери последнего Людмила и Тамара (кв. 26)

В боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны участвовали жители дома В. С. Изосимов, П. А. Крутиков, Б. В. Стругалев, Д. Н. Ченгин, Л. Ф. Чугунов.

В. С. Изосимов (1926 – после 1947, до 1985) призван в Красную армию Московским РВК Ленинграда 19 июля 1943 г. Крас-

ноармеец, стрелок 134-го стрелкового полка 45-й Гвардейской стрелковой дивизии 3-го Прибалтийского фронта. Легко ранен 21 февраля 1944 г. на подступах к г. Либаве. После излечения и обучения – сержант, командир бронетранспортера 92-го Гвардейского механизированного полка 29-й Гвардейской механизированной дивизии. За участие в боях за освобождение советской Прибалтики, перенесённое ранение и добросовестное исполнение своих служебных обязанностей представлен к награждению. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1947 г. награждён медалью «За отвагу» (номер записи в ОБД «Подвиг народа...»: 80423777). Его отец С. И. Изосимов, 1888 г. р., умер в ноябре 1941 г., сестра Мария, 1921 г. р., умерла в феврале 1942 г. (Блокада, т. 12).

П. А. Крутиков (1902 – после 1942), урож. Петербурга. Призван в Красную армию Смольнинским РВК 10 декабря 1941 г. Пропал без вести в июне 1942 г., о чём его дочь Тамара была извещена в 1946 г.²³ Его семилетний сын Владимир умер в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. (Блокада, т. 16).

Б. В. Стругалёв (1919 – после 1941), урож. д. Бородино Новоржевского у. Псковской губ. Призван в Красную армию Смольнинским РВК 10 октября 1940 г. Пропал без вести в сентябре 1941 г., о чём в августе 1946 г. сообщено на запрос его матери, жившей тогда в д. 6/8 на 8-й Советской ул.²⁴ Его отец В. Я. Стругалёв, 1885 г. р., умер в блокадном Ленинграде в мае 1942 г. (Блокада, т. 29).

Д. Н. Ченгин (1922–1943), красноармеец, курсант армейских курсов младших лейтенантов 8-й армии, убит при авианалете 04.06.1943. Похоронен в р-не Сясьстроя²⁵.

Л. Ф. Чугунов (1908–1944), урож. д. Федяйкиной Холмовской вол. Пошехонского у. Ярославской губ. (ныне д. Федяйкино Пошехоно-Володарский р-на Ярославской обл.). Призван в Красную армию 26 июня 1941 г. Смольнинским РВК Ленинграда. Красноармеец, по сведениям сослуживца, погиб в бою 26 февраля 1944 г. под Псковом. Поскольку этот факт не отражён в донесениях воинской части, считается пропавшим без вести в

В УПРАВЛЕНИЕ ПО УЧЕТУ ПОГИБШЕГО И ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ РЯДОВОГО И СЕРЖАНТСКОГО СОСТАВА

АНКЕТА

на разыскиваемого военнослужащего

81462
105
Форма № 9

1. Фамилия, имя и отчество разыскиваемого	Стругалов Витольдович
2. Год рождения	1919г.
3. Место рождения: область, р-н, с/совет, деревня, город	Тюльчинская обл. Новожиловский р-н г. Тюльчино.
4. Каким военкоматом призван, когда, в какую часть и когда направлен	Столбынским РКВ 10.10.40г. на фронт в/с/с/б/у
5. Военное звание	рядов. состав X
6. Заключенная должность в Красной Армии	солд.
7. Когда прекратилась письменная связь	с 16.06.41г.
8. Военский адрес по последнему письму	находилась в Тюльчинской обл. Тюльч. п/о. Цифровой бар п/л. 5
9. Где проживал до призыва: область, р-н, с/совет, деревня, город	Тюльчинский р-н. д. 216 25.
10. Дополнительные данные о разыскиваемом: письма товарищей, сообщения в/ч, свидетельские показания и др. (приложить к анкете).	не имеет
11. При наличии сведений о гибели, указать где и когда (месяц, число, год) погиб, место похорон	сведений не имеет
12. Кто разыскивает: фамилия, имя, отчество заявителя	Стругалова Любовь Павловна

Анкета розыска Б. В. Стругалёва

феврале 1944 г., о чем в 1948 г. сообщили его брату, оставшемуся опекуном его дочери Людмилы, 1934 г. р., в ответ на запрос о розыске²⁶. Четырёхлетняя Тамара Чугунова умерла в блокадном Ленинграде в марте 1942 г. (Блокада, т. 33).

Блокадные судьбы Сергея Изосимовича Изосимова, Марии Изосимовой, Владимира Крутикова, Виктора Яковлевича Стругалёва и Тамары Чугуновой разделили ещё 20 жителей этого дома.

Ныне в доме помещается кафе «Кошкин дом». (Интересно, знали ли придумавшие это название про кабаре «Ша нуар»?).

К дому со стороны Суворовского пр. примыкает современная пристройка торгово-развлекательного центра с расположенными там кафе «Рифо», рестораном «У Рудольфа II», баром «Гамбринус». Между д. № 126 и 2 по Суворовскому построен дом № 126/2, спроектированный в архитектурной мастерской Анатолия Столярчука.

Не все страницы истории этой маленькой улицы ещё прочтены. Так, в одном из домов (адрес пока установить не удалось) жил участник Великой Отечественной войны Владимир Васильевич Авдюхов, призванный в Красную армию Токаревским РВК Тамбовской обл., в 1943 г. старший сержант, командир расчёта 76 мм пушки 572-го стрелкового полка 233-й Кременчугско-Знаменской стрелковой дивизии, награждённый медалью «За отвагу». Отметим ещё, что архивы содержат документы с несуществующими адресами 1-я Советская, 11, 32 и даже 118.

Заканчивая рассказ о 1-й Советской улице, ответим на вопрос нашего читателя, вспомнившего о трамвайных рельсах, которые он видел на улице в послевоенные годы. Действительно, по крайней мере, до 1924 г. по этой улице, сворачивая в неё с тогдашнего Советского пр. и выходя на Лиговскую ул. через арку в д. 10²⁷, ходили трамваи 13-го маршрута, следовавшие от конечного пункта на Смольной наб. (Пальменбаховской петли) через пл. Восстания по пр. 25 Октября и ул. 3 Июля на Покровскую пл. В 1924 г. регулярное движение трамваев, следующих от пл. Восстания в южном направлении, было перенесено на 2-ю Советскую²⁸. На

плане Ленинграда 1926 г. трамвайная линия на 1-й Советской уже не показана, хотя рельсы пролежали здесь ещё долго и исчезли вместе с аркой, заложенной в 1950-х гг.

Примечания

¹ Доходный дом Егоровой и Романова в 1890 г. построил архитектор В. А. Иванов. В 1899 г. техник М. А. Андреев надстроил дом пятым этажом.

² Ф. И. Воронин (1870–1937), урож. д. Решетово Волховского р-на Лен, обл., русский, беспартийный, служащий. Арестован 10 марта 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 11 августа 1937 г. приговорен по ст. ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 13 августа 1937 г. Н. Ф. Воронина 1906 г. р. умерла в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г.

³ П. М. Третьяков 1887 г. р., урож. г. Устюжна Вологодской губ., беспартийный. Арестован 9 февраля 1933 г. Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 26 мая 1933 г. по ст. 58-7 УК РСФСР заключен в концлагерь на пять лет с направлением в Свирьлаг ОГПУ.

⁴ Я. И. Шимановский (1892–1937), уроженец г. Люцин (Латвия), поляк, беспартийный. Арестован 22 сентября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 14 октября 1937 г. приговорен по ст. 58-1 а УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 18 октября 1937 г.

⁵ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818884. Д. 73. 1941.

⁶ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 80. 1946.

⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 87. 1944.

⁸ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 236. 1947.

⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 87. 1948.

¹⁰ Там же.

¹¹ Анкета розыска В. П. Кудряшова ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 2244. 1946.

¹² ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 262. 1947.

¹³ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1696. 1942. Запись о месте захоронения в деле ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 87. 1948 ошибочна.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 388. 3 л. 1945.

¹⁵ РГВА. Ф.37878. Оп. 1. Д. 2924. Л. 11. 1942.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 822. 1943.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 262. 1947.

¹⁸ Впервые опубли. в кн.: Векслер А.Ф. Старо-Невский проспект. М., 2009. С. 244–246. При подготовке настоящей статьи внесены необходимые поправки и дополнения.

¹⁹ «Образование» – ежемесячный педагогический и научно-популярный журнал, посвященный вопросам женского и мужского воспитания и обучения и преобразованный из «Женского Образования»; издавался с 1892 года первоначально редактором-издателем В. Д. Сиповским, затем В. В. Сиповским,

с 1896 по 1908 год А. Я. Острогорским. В журнале активно сотрудничали педагог и психолог П. Ф. Каптерев, известные педагоги А. И. Страннолюбский, И. И. Паульсон, педагог и писатель Н. И. Позняков, писатель и основатель Педагогического музея Н. А. Рубакин, ученый-химик и педагог высшей школы А. А. Воскресенский, педагог и писатель Д. Д. Семенов.

²⁰ Алянский Ю. Л. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996. С. 242.

²¹ Герасимова А. Г. Проблема смешного в творчестве обэриутов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. М., 1988. 26 с.; Друскин Я. Чинари // Аврора. 1989. № 6. С. 104–105; Мейлах М. Б. Александр Иванович Введенский // Введенский А. И. Полное собрание произведений: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. XIII; Материалы следствия по делу Хармса и Введенского // Октябрь. 1992. № 11; Строфы века : антол. русской поэзии / сост. Е. А. Евтушенко. Минск; М., 1995.

²² К. Н. Жаглевский (1899–1938), уроженец гор. Самары, русский, беспартийный. Арестован 17 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 5 января 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-6-7 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 22 января 1938 г.

²³ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 724. 1946.

²⁴ Анкета розыска Б. В. Стругалева. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 2387. 1946.

²⁵ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 106.

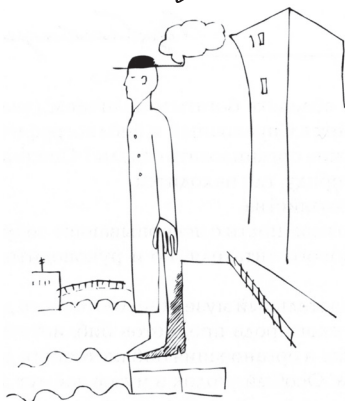
²⁶ Анкета розыска Л. Ф. Чугунова. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 701. 1948.

²⁷ На сервере «Ситиволлс» приведена без указания автора и года съемки фотография дома 10 по Лиговскому пр., на которой видны и упомянутая арка, и выходившие из неё рельсы. Не имея этих данных и разрешения её держателя, мы не можем воспроизвести эту фотографию.

²⁸ Весь Петроград на 1922 год : [адрес и справ. кн. г. Петрограда] / ред. А. И. Гессен и Я. Б. Лившиц. Пг., [1922]. Стб. 705; Весь Ленинград на 1924 год : адрес. и справ. кн. г. Ленинграда. Л., 1924. С. 125.

Петербургские судьбы

Сергей Ильич Бердичевский

О моем отце

Мой отец, Илья Яковлевич Бердичевский¹, работал в довоенное время на заводе «Электроаппарат», а войну встретил уже на «Светлане». Мама и я были эвакуированы с «Электроаппаратом», а работники «Светланы» переведены на «казарменное положение». Заключалось это всего лишь в том, что в близлежащих пустующих домах поселили по несколько человек в квартиру и не брали за это плату. Где они все набирали воду, дрова, как мылись, стирали – об этом папа или не рассказывал, или я не запомнил, как малоинтересные детали. А вот запомнил, что первым делом они обшарили всю бывшую коммунальную квартиру и поиск увенчался успехом!

В большущей коммунальной кухне, по стенам которой были навешаны в несколько этажей полки с вёдрами, тазами, вывар-

---

¹ Бердичевский Илья Яковлевич, уроженец г. Бобринец Херсонской губернии (ныне Кировоградская область Украины). Окончил механический факультет Ленинградского химико-технологического института. Работал на заводах «Электроаппарат», «Светлана», в НИИ-400. Преподавал технологию спецпроизводства в Ленинградском Кораблестроительном институте, кандидат технических наук.

ками и прочим скарбом, они нашли пачку «Геркулеса» с примерно 600 г хлопьев. Надо помнить при этом, что кухня большой коммунальной квартиры – это прежде всего много керосинок, керогазов и примусов, поэтому надолго забытая картонная пачка «Геркулеса» насквозь пропиталась керосиновым «выхлопом». Но даже и такой была она для них подарком судьбы. Они растянули его надолго, заваривая как чай кипятком по утрам.

Хотя, надо сказать, их положение было несколько особым в этом смысле. Дело в том, что директором «Светланы» тогда был Иван Терентьевич Пригарин – человек по-житейски весьма, как оказалось, мудрый и человечный. Когда немцы подошли к городу и начали его окружать, он тонко учуял момент, когда уже не покарают, но ещё можно успеть сделать крайне важные вещи. Надо напомнить, что в начале 1940-х годов транспорт внутри-заводской на 70% был гужевым. А это – лошади. Пригарин распорядился забить их, заложить в ледники и поставить надёжную охрану. Если бы он сделал это на несколько дней раньше, его бы поставили к стенке за «паникёрство». Если позже – скорее всего они бы были «мобилизованы». То же и с фуражом – жмых, овёс.

*Илья Яковлевич
Бердичевский*

Кроме того, на заводе помимо «лампочек Ильича» и радиоламп делалось много другого, в частности – изоляторы в виде деревянных деталей, вываренных в льняном масле, и имелись выварочные котлы (большой ёмкости) и, естественно, запасы масла. Его тоже Пригарин опечатал – и «под ружьё». Производство радиоламп в те времена было настоящим «хай-теком». В этом мало кто понимал, но все относились с пиететом, считалось особо чистым производством. Выражалось это в расходовании больших количеств спирта-ректификата. И его тоже велено было опечатать – «под ружьё».

И когда блокада встала в полный рост, на «Светлане» хряпу варили не на чистой воде, а на седьмом отваре лошадиной кости и даже микроскопические жилки плавали. И, ежели человек по какой-либо причине начинал «доходить» (иждивенцы, потеря карточек и т. п.), но работать не прекращал, выписывалась «материальная помощь» в виде обрубка мосла, пузырька льняного масла или стопаря спирта, ценность которого в то время была единственно в калориях.

Производство радиоламп вроде бы не прекратили в блокаду, но получили ещё, не менее важное задание – производство РС² к «катышам». Это было ещё более секретным делом и ещё большим «хай-теком». В нём понимали ещё меньше, и потому требования, и так высокие, надо было выполнять буквально. Поэтому, чуть что – брак, есть сомнения – брак! Когда количество бракованных корпусов стало значительным, а ни о какой утилизации в условиях блокады речи быть не могло, папочка предложил залить толлом не зарядное отделение РС, а весь целиком, увеличить стабилизатор и использовать как АБ³. Доложили наверх, командованию авиации фронта. Оттуда пришёл ответ, что пока есть штатный боезапас, использование нештатного исключено, т. к. требует перенастройки прицелов на самолётах. Когда же необходимость возникнет, то им будет сообщено заранее, ввиду того, что баллистические характеристики нового боезапаса надо определить пробным бомбометанием, составление таблиц и перенастройку прицелов произвести до постановки на вооружение.

Ответ на заводе расценили как «добро», проконсультировались с авиаторами насчёт стабилизаторов, детонаторов и узлов подвески и стали всё это делать, чтобы к нужному моменту иметь задел. Кстати и производство становилось в большей степени безотходным. И время это настало.

Как-то зимой позвонили и велели привезти несколько штук на аэродром где-то на Средней Рогатке. Выделили бензин, заправили грузовик, насыпали песок, уложили бомбы, оформили

² Реактивные снаряды.

³ Авиационная бомба.

необходимые документы, пропуска. На вопрос «Кто едет передавать груз?» был ответ «А вот пусть автор и едет!».

Приехали на аэродром, машину откатали к самолётам на подвеску, папа пошёл передавать документацию, отмечать командировки, пропуска, и тут появился пилот и спросил: «Кто летит со мной?». «А вот он» – был ответ. «Значит так, махну рукой – дёргаешь левую рукоятку, махну ещё – дёргаешь правую рукоятку. Пошли». По дороге папа спросил: «А на какой полигон полетим?». На что был ответ: «Какой ещё полигон? Прямо на немцев будем кидать. До них пять минут лёту». Я думаю, в тех обстоятельствах вряд ли кто сообразил на его месте, на что его подписали. Не помню, по-моему, отец не говорил, что это был за самолёт, но во всяком случае известно одно – кабина не была герметичной и, как только они поднялись на высоту бомбометания и повернули в сторону фронта, стало ясно моему бедному папочке, что такого мороза он ещё не ощущал.

Руки-ноги начали стремительно отмерзать, по лётчицкому взмаху на рукоятки он наваливался всем телом, а когда вернулись и сели – вынимать его из кабины пришлось «вручную».

На руках же его потащили исправлять оплошность в столовую. Накормили обедом «по норме лётного состава», напоили горячим чаем с сахаром и «наркомовскими» 100 г. И спросили: «Ты извини, просто не сообразили. Мы тебя сейчас экипируем полностью – полетишь ещё? Надо не меньше трёх бомбометаний». Папа, к этому моменту разогревшийся и подобревший, естественно согласился. Да и кто бы не согласился. Это уже были совсем другие полеты! Весь в меху, в очках, рукавицах он с интересом наблюдал немецкие позиции внизу и разрывы своих бомб на них. И ещё он был сыт как никогда за всю блокаду.

А надо добавить, что вообще-то у отца руки-ноги (в отличие от меня) никогда не замерзали, не было такого при мне. Правда, при мне была уже не блокада, но он говорил, что ходил и тогда в той же обуви – офицерских хромовых сапогах. Я хорошо помню эти сапоги – щёгольские, по ноге. С одной фланелевой портянкой (и меня научил их накручивать, я и сейчас бы смог) он на-

тягивал сапоги по 5 минут каждый. А сдёргивать их надо было ему помогать. А если по тревоге? Но он говорил, что в бомбоубежище, и то только в бомбёжку, спускался очень редко. А артобстрел пережидать все старались в ближайшей подворотне на «неопасной» стороне улицы. Ранен был один раз – горячий осколок величиной с ноготь попал в подбородок и «прижарился». Пришлось обращаться в санчасть.

Ещё помню такой эпизод. Это уже в 1944 году, мы с мамой вернулись в Ленинград, сидим в кино, идёт журнал перед фильмом, ленинградская кинохроника – и вдруг я вижу на экране папу! Мама рассказывала, что я заорал «Папка!» на весь кинотеатр. Кадр из этого «фильма» в виде фотографии хранился у него в письменном столе в портсигаре с медалями. На ней он с каким-то токарем что-то с умным видом меряет штангенциркулем.

Вот такой герой был мой папочка!

Диакон **Павел Кадосов**

Памяти Ивана Никоновича Захарова

В настоящее время имя выдающегося изобретателя Ивана Никоновича Захарова (1866–1929) известно только узким специалистам. Между тем его вклад в развитие химической промышленности очень значителен. В 1891 г. молодой сотрудник Охтинских пороховых заводов обер-фейерверкер Захаров разработал безопасный способ сушки пироксилина. Внедрение этого способа свело к минимуму взрывы на пороховых заводах. Изобретение имело мировое значение, оно активно применялось в других государствах.

Большую часть жизни Иван Никонович провел на Пороховых, трудился на Охтинском пороховом заводе и был прихожанином храма Св. пророка Илии. Родители Ивана Никоновича были мещанами¹. Отец рано умер, оставив жену и четырех сыновей без средств к существованию². Малолетние братья Захаровы были вынуждены идти работать. С девяти лет Иван Никонович служил на пороховом заводе. Долгое время он был простым рабочим, затем поступил в Пиротехническую Артиллерийскую школу³, которую окончил в 1890 г. со званием обер-фейерверкера 2-го разряда⁴. Фейерверкерами назывались нижние чины в артиллерийских воинских частях. В 1891 г. обер-фейерверкер Захаров был назначен в мастерские для сушки пороха. Сушка – необходимая часть процесса производства пороха. В те времена порох сушили примитивным способом – в лотках, куда его на-

---

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 1об.

сыпали в больших количествах. Именно во время сушки чаще всего происходили взрывы на пороховых заводах. Одним из таких взрывов, 22 сентября 1885 г., был убит старший брат Ивана Никоновича Михаил⁵. Как пишет Иван Никонович в своих воспоминаниях, трагический пример брата и опасения за собственную жизнь заставили его взяться за разработку безопасного способа сушки пороха⁶.

Иван Никонович Захаров

После многих месяцев напряженной работы Захаров представил начальству доклад, в котором сообщал о своем открытии. Он предлагал обезвоживать пироксилин спиртом. Пироксилин – взрывчатое вещество, используемое при изготовлении бездымных порохов. Способ, предложенный Иваном Никоновичем, обеспечивал безопасность производства. В некоторых научных трудах говорится, что сама идея спиртового обезвоживания была выдвинута Д. И. Менделеевым⁷. Но именно Захаров впервые применил ее на практике и подтвердил экспериментально⁸.

Понимая государственную важность своего изобретения, Иван Никонович сохранял его в строгой тайне. Для него стало ударом, когда начальство Охтинского завода обнародовало результаты его исследований, но при этом не упомянуло имени автора. Более того, безопасный способ сушки пороха был внедрен на пороховых заводах по всей стране, а на Охтинском заводе су-

⁵ Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1885 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 473. Лл. 99об.-100.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁷ Смирнов Г. В. Менделеев. М., 1974. С. 244.

⁸ Горст А. Г. Пороха и взрывчатые вещества. М., 1949. С. 160; Третьяков Г. М. Курс Артиллерии / Г. М. Третьяков, В. Ф. Сиротинский, Б. И. Шехтер. М., 1952. Т. 2. С. 196; Никифоров Н. Н. Артиллерия / Н. Н. Никифоров, П. И. Туркин, А. А. Жеребцов, С. Г. Галиенко; под общ. ред. М. Н. Чистякова. М., 1953. С. 87; Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика : в 2 т. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 226.

шили порох по-старому. Иван Никонович продолжал трудиться в сушильных мастерских.

Судя по его запискам, он полагал, что начальство дожидается его гибели во время очередного взрыва, чтобы присвоить себе открытие. Действительно, в марте 1892 г. произошел новый взрыв, девять человек погибло⁹. Ивана Никоновича тоже сочли погибшим, так как на месте взрыва была найдена его шинель. Но он чудом остался жив. В этот день он отпросился с работы – ему надо было по делам съездить в город, – а шинель оставил в конторе¹⁰.

После продолжительных конфликтов Ивану Никоновичу все же удалось добиться признания. 30 апреля 1894 г. обер-фейерверкер Захаров за свое изобретение был всемилостивейше пожалован знаком отличия ордена св. Анны и награжден премией в размере 100 руб¹¹. Но сильные переживания подорвали здоровье Ивана Никоновича. Всю оставшуюся жизнь он тяжело болел.

Тем не менее, положение изобретателя стало улучшаться. В 1897 г. он был произведен в коллежские секретари, в 1900 г. – в титулярные¹², а в 1910 г. – в надворные советники¹³. После разделения заводов в 1902 г., Иван Никонович трудился казначеем на Охтинском заводе взрывчатых веществ¹⁴.

Несмотря на это, он продолжал испытывать материальные трудности. В 1905 г. Иван Никонович был вынужден просить, чтобы в благодарность за заслуги его сыновей зачислили в Николаевский кадетский корпус на казенный счет, так как у него не было средств на их обучение¹⁵.

---

⁹ О девяти погибших говорит Иван Никонович в своих воспоминаниях (архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 2). Согласно метрической книге церкви Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1892 г., при взрыве 23 марта 1892 г. погибло восемь человек (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 552. Лл. 95об.-97). То., либо Иван Никонович ошибся, либо девятый погибший не принадлежал к православному вероисповеданию.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 1об.

¹² Там же. Л. 2об.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 2об.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 10.

В 1915 г. надворный советник Захаров за ревностную службу был пожалован орденом св. Станислава 3-й степени. С 1916 г. он заведовал втулочной мастерской Охтинского завода взрывчатых веществ. В 1917 г., незадолго до Октябрьской революции, был произведен в полковники.

После революции, в декабре 1917 г., все чины, звания и отличия, кроме звания по занимаемой должности, были упразднены¹⁶. Иван Никонович лишился всех привилегий. К этому времени он был уже серьезно болен. Летом 1918 г. его уволили в отставку в связи с полной утратой трудоспособности: была парализована вся правая сторона тела, Иван Никонович не мог передвигаться без провожатого.

За прежние заслуги ему была назначена большая пенсия, но в действительности он ни разу ее не получил. Более того, его взрослые сыновья, участники Первой мировой войны, как бывшие царские офицеры не могли устроиться на работу и оказались на содержании отца¹⁷. Ивану Никоновичу пришлось вернуться на завод. В 1919–1920 гг. он работал письмоводителем в канцелярии главного инженера и занимался восстановлением завода после его реэвакуации (во время Гражданской войны часть завода была эвакуирована из Петрограда). Затем Ивана Никоновича перевели в химическую лабораторию завода, где предоставили возможность заниматься самостоятельными исследованиями¹⁸.

Парализованный изобретатель вновь продемонстрировал блестящие способности. В 1921 г. он предложил способ получения бертолетовой соли из хлористого калия при помощи электролиза, а в 1925 г. сделал доклад о разложении глауберовой соли на кислоту и щелочь¹⁹. Эти изобретения имели большое промышленное значение.

Наконец, в 1925 г., тяжело больной Иван Никонович смог уйти на пенсию. После этого он лишился казенного жилья на

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 15-17, 19.

Капсюльном шоссе. Остаток жизни изобретатель провел в коммунальной квартире на Петроградской стороне, куда переехал к своей младшей дочери Лидии²⁰. 11 мая 1929 г. Иван Никонович умер в возрасте 63-х лет и был похоронен на Пороховском кладбище. Его могила, расположенная на Главной аллее кладбища, сохранилась до настоящего времени.

Личный документальный фонд Ивана Никоновича Захарова был передан в архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (более известный как Артиллерийский музей) в Санкт-Петербурге. Материалы этого фонда легли в основу данной статьи, автор которой женат на двоюродной праправнучке Ивана Никоновича Захарова.

---

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 1053. Лл. 93об.-95; Там же. Д. 1054. Лл. 77об.-78.

Трактат науки

Олег Юрьевич Куликов,
краевед

Школа у Спасо-Парголового храма

В советское время бытовало мнение о повальной безграмотности и отсутствии системы образования в старой России. Мнение это было во многом следствием пропаганды – нужно было постоянно говорить о необходимости и неизбежности «пришествия» новой власти и её прогрессивности. Однако начало борьбы с безграмотностью было положено не советским «ликбезом», а реформами Александра II. Многие ныне действующие общеобразовательные школы теперь стараются проследить свою историю, потому что иметь «корни» и «быть приемниками традиций» – сейчас почётно и престижно. Материалы, изложенные в этой маленькой статье – результаты историко-архивных и краеведческих исследований по выяснению таких корней одной из школ Выборгского района. Об этом написана целая неизданная книга, здесь же приводятся лишь основные вехи истории школы. Интересно, что с «революцией» и в годы «ликбеза» количество школ и число учащихся в них изменилось не сильно.

Неподалёку от старинного Выборгского тракта (а сейчас – Выборгского шоссе), у подножия Церковной горы, где высится некогда не закрывавшийся Спасо-Парголово-Спаский храм (в прошлом центр большого прихода, включавшего два имения – Шуваловых и Левашовых), у Суздальского озера, при владельце Парголово-Спаского имения графе Андрее Павловиче Шувалове (1817–1876), либерале и стороннике скорейшего продвижения реформ Александра II, была основана вторая в окрестностях Земская Народная Школа (позже, но до 1917 г., число этих маленьких, «крестьянских» школ доходило в округе до шести-семи). Произошло это в год кончины графа и в год закладки третьего, каменного, Спасо-Парголово-Спаского храма. (Первый, деревянный, существовал с 1765 г., сгорел при пожаре в 1792 г., второй – первое самостоятельное сооружение известного архитектора Луиджи Руска – построен в 1793 г., разобран за ветхостью в 1883 г., уже после освящения в 1880 г. третьего каменного храма, работы архитектора К. А. Кузьмина, стоящего и поныне).

Для школы был выстроен отдельный небольшой светлый, со множеством окон, домик, крытый бедной тёсовой крышей, с од-

Парголово. Пожарня и Спасо-Парголово-Спаский храм. Фото нач. XX в.

ной классной комнатой, прихожей, «раздевальней», кухней и туалетом. В мезонине находилась квартира учительницы.

Самыми первыми учительницами были: Елена Александровна Муравьёва, дочь священника, закончившая Сибирскую женскую гимназию; после её увольнения, как личности «неблагонадежной в политическом отношении», на её место пришла Варвара Фёдоровна Родионова. Жалованье учительниц Парголового первого земского народного училища состояло из 15 руб. в месяц, выдаваемых земством, и 10 руб., назначенных государством.

Однако, уже с 1878 по конец 1880-х гг. учителем в школе значился Е. Кузнецов. Сохранился чертёж его работы, связанный с реконструкцией бани по соседству со школой и отчёт от 20 октября 1878 г. о количестве поступивших в школу учащихся (55 мальчиков и 30 девочек).

Закон Божий в школе преподавал весьма уважаемый в округе, маститый протоиерей, настоятель Спасо-Парголового храма, о. Василий Юноковский (1839–1918), затем его сменил, уже перед самыми событиями 1917 г. о. Алексей Грацианов (1879–1942?), позже замученный в сталинских лагерях.

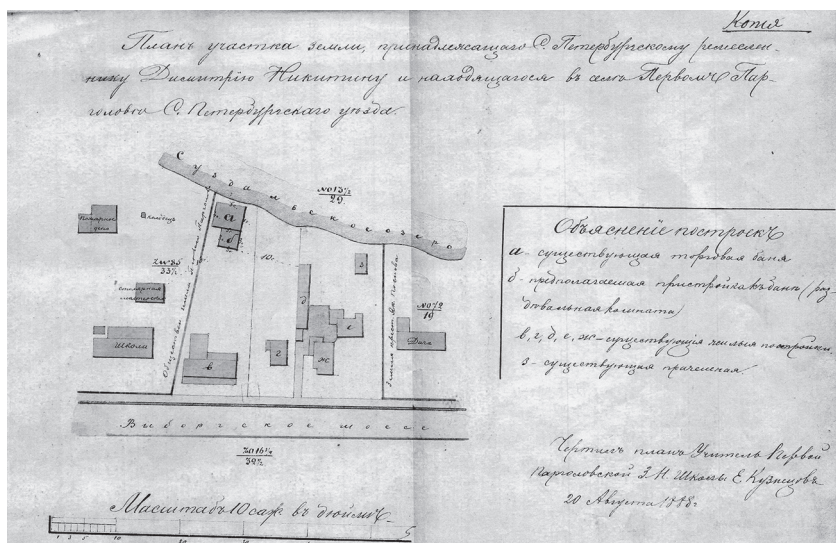
Некоторые ученики школы состояли в Спасо-Парголовском храме певчими и даже получали от церковно-приходского попечительства жалование, которое, например, в 1889 г. составило 60 рублей.

Накануне трагических событий 1917 г. в школе было три класса и две учительницы: Анна Павловна Левитская и К. К. Павлова.

Анна Павловна Левитская родилась в 1867 г., в семье священника, окончила Вологодскую Мариинскую женскую гимназию с 8-м педагогическим классом по русскому языку-словесности и математике. Преподавала в Ярославской и Вологодской губерниях, в Польше и в Назаретской школе в Сирии, основанной Российским Палестинским обществом, где учила детей православных арабов русскому языку. С 1900 г. Анна Павловна работала в школе у Спасо-Парголового храма и тут же, в мезонине школы жила вместе с больной, находящейся у неё на иждивении

племянницей. В 1919 г. Анна Павловна занималась ликвидацией неграмотности красноармейцев 2-го тяжёлого артиллерийского дивизиона, расквартированного в бывших священнических домах причта Спасо-Парголовского храма, откуда были изгнаны на частные квартиры клирики нашего храма с семьями. После 1923 г. имя А.П. Левитской в официальных документах, связанных со школой, больше не упоминается. Память об «учительнице Анне Павловне» сохранялась до середины 1950-х гг., даже после того, как школа переехала и поменяла своё название.

В 1904 г. в школу поступил 61 учащийся: 33 мальчика и 28 девочек. В списке инвентаря значилось: две висячих доски, две стоячих; 10 стенных картин по истории, 3 по географии, 2 по математике, «один фонарь для световой картины», 60 ученических столов, 40 деревянных «ручек-вставок», 2 стирательные резинки. За год школа тратила 60 флаконов чернил, 1 фунт (450 г) мела, 100 тетрадей раздавалось детям бесплатно. В школе была библиотека, в которой было 36 названий учебников в 456 экземплярах и 215 названий другой литературы в 490 экземплярах.

Чертеж участка, выполненный учителем Е. Кузнецовым. 1888 г.

Учитель *к. п.*
 1^о Парголовова земской народной школы
 ст. Петербургского уезда

101/84 24 октября 1878 г.
 В Земскую Управу ст. Петербургского уезда

Итого есть учеников,
 20^о октября 1878 г. что в 1^о Парголовова шко-
 лу поступило в нынешнем
 учебном году (по 1 октября)
 всего 85 человек, из них:

31-18

- 1) обучавшихся в прошлом году ^(в)
 2) вновь поступивших: а) обучавшихся
 в обучавшихся прежде в этой же школе
 в) обучавшихся в других школах

Мальч.	Девоч.	Всего
57	16	48
20	11	31
3	3	6
80	30	85

Всего

Из них: в старших отделениях 21 мальч. 6 девоц.
 в 1ом отделение — 15 — 14 —
 в младшем — 19 — 10 —

(в) Примечание. Из числа обучавшихся в школе в прош-
 лый учебный год не поступило в школу в нынешнем
 году 5 мальч. 8 девоц., всего 13 чел.

Учитель Кузнецов

Отчет Е. Кузнецова от 20 октября 1878 г.

Мальчики и девочки учились вместе, в отличие от городских школ. Занимался каждый класс по пять часов в день с 10–15 минутными переменами. Занимались по два класса в одном помещении и с одним учителем. На бесплатный обед выделялся час.

С 1917 г. школа расширилась – ей выделили помещение на втором этаже находящегося по соседству Парголовова Пожарного депо. К этому времени собственный домик школы ни

разу не ремонтировался: крыша текла, двери и окна пропускали холод. После октябрьского переворота школа стала называться «Единая трудовая школа I ступени». В 1921 г. в школе числились, кроме А. П. Левитской: учительница и заведующая театральной секцией Мария Михайловна Краснопевкова, библиотекарь Алексей Николаевич Ларин, учитель пения и музыки Евгения Викторовна Веденикова, учительница ручного труда Анастасия Павловна Петропавловская. Мария Михайловна была дочерью диакона и сестрой священника Спасо-Парголового храма о. Николая Краснопевкова, служившего в Спасо-Парголовском храме с 1918 по 1931 гг. и замученного в лагере на Колыме в 1941 г. (арестован в 1935).

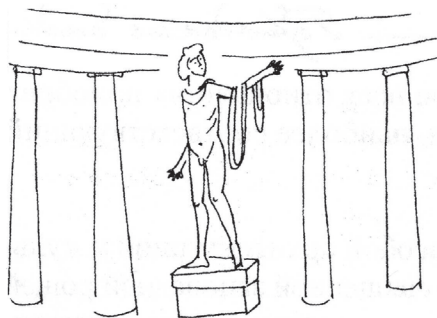
В 1923 г. школе присвоили имя А. С. Пушкина, она стала «пушкинской», а в 1924 г. заняла первый этаж красного кирпичного священнического дома (он сохранился до сих пор). Поначалу школа занимала один этаж здания, на втором и на третьем, полу-чердачном, были квартиры посторонних людей. С 1933 г. школа становится 7-летней – к этому времени она занимает всё здание и ещё один не сохранившийся деревянный бывший священнический дом. Накануне Великой Отечественной войны в школе обучалось более 600 детей. Известно, что в 1942 г. занятия в школе проходили с 7 сентября по 23 мая и шли в две смены. Во время блокады здесь продолжало обучаться около 300 детей. А из учителей к 1944 г. осталось всего 13 человек. В школе были организованы горячие завтраки, ученики помогали местному колхозу «Красный партизан» убирать картофель, рыли траншеи. За героический труд в годы блокады директор школы, трое учителей и восемь учащихся были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

С 1953/54 г., в связи с вхождением Первого Парголова в Сталинский район Ленинграда, школа из Первой Парголовской была переименована в 473-ю, стала восьмилетней, в августе 1961 г. она переезжает в здание бывшей «курортно-лесной» школы в Озерках (Выборгское шоссе, 32). Здесь другом школы становится известный ленинградский художник-график Алексей Федорович Пахомов (1900–1973), сосед по Первому Пар-

голову известного подвижника и поэта, священника Владимира Шамонина (1882–1867). В середине 60-х годов Пахомов делает в школе с натуры несколько зарисовок детей и учителей во время занятий. Эти «картинки» были известны всем первоклашкам нашей страны с 60-х по конец 90-х гг. по первому в жизни каждого советского школьника учебнику – Букварю. Ныне наследницей Первой Парголовской – 473-й школы считает себя школа № 110 на Сиреневом бульваре, 8. Этот номер школе был присвоен в 1961 г., еще в Озерках, а в последний раз она переехала в 1976 г., сохранив прежнего директора и несколько учителей. В школе на Сиреневом бульваре, в библиотеке до сих пор хранятся книги со штампом 473-й школы, а в кабинете географии в 2006 г. автор этих строк, закончивший 110-ю в 1991 г. и преподававший там в 2005–2007 гг., обнаружил карту СССР 1946 г., подписанную Ольгой Фёдоровной Евдокимовой, директором школы с 1937 по 1960 гг. (с перерывом в годы войны).

Колоткада Аномотка

**Валерий Григорьевич
Исаченко,**

архитектор, художник

Георгий Васильевич Рахлов (1931–1996)

*Ш*мя этого высокоталантливого и многогранного художника, незаурядного человека в нынешнее время оказалось забытым, и это уже не удивляет. Забыты имена многих ленинградских художников, литераторов, архитекторов, музыкантов, поэтов фронтового поколения, которые ещё не так давно были известны большинству горожан. Живописный и обширный (до «реконструкции») сад у Сампсониевского собора мы (молодые художники 1960–1970-х гг., наши преподаватели да и просто многие старожилы Выборгской стороны) называли «рахловским садом». Его очень характерная фигура в шляпе и плаще с этюдником на плече была достопримечательностью района. Он с большой любовью рисовал и писал этот сад с собором св. Сампсония и группками ребят и молодых «мамочек» на детской площадке. Работал (как, впрочем, везде) в любую погоду, а я, рисуя рядом, отгонял любопытных – их собиралось много. Затем мы шли к нему домой, на улицу Смолячкова, где он жил в коммуналке с женой и матерью. Георгий Васильевич (Юра) сразу же ставил пластинку с 5-й симфонией Бетховена – главного спутника нашей жизни в 1960-е годы.

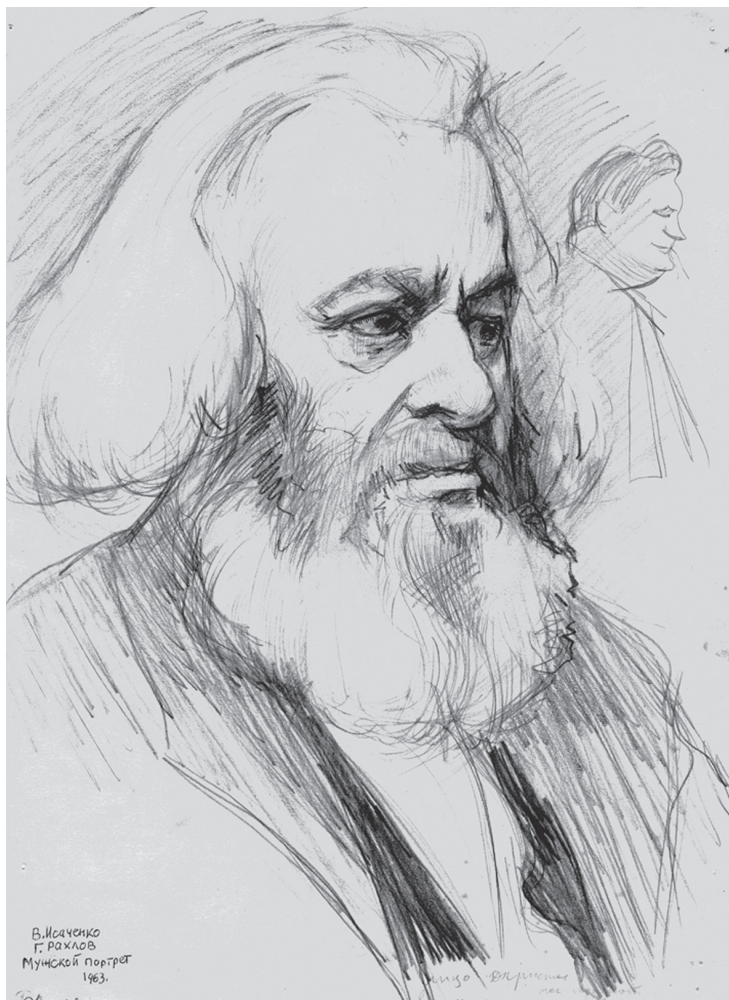

Исаченко В.Г. Художник-реставратор Георгий Васильевич Рахлов. 1967.

Георгий Васильевич написал множество городских и деревенских пейзажей и портретов – все в разной технике: масло, темпера, акварель и пастель, причём особое восхищение вызывали произведения в смешанной технике – темпера (или акварель) и по ней – пастель. С тех пор я не видел подобных работ даже у известных мастеров. Где эти и другие работы художника? Несмотря на скромный заработок, он никогда не продавал свои работы, но охотно их дарил (особенно превосходные портреты) тем, кто ему позировал и понимал живопись. В процессе работы любил слушать Бетховена и Рахманинова, а также нередко просил меня читать петербургский цикл Маяковского. А вот Сергея Прокофьева и Блока недолюбливал. Его кумирами были Коровин и Матисс.

Рахлов окончил художественное училище в Ленинграде, готовившее реставраторов. У него не было (как у многих в то время) мастерской – её весьма успешно заменяли крыши и строительные леса, облюбованные нами на Выборгской стороне, Крюковом канале, Мойке. Совершенно великолепны были его большие этюды, написанные сверху со стасовскими Придворными конюшнями, домом Адамины и домом Аракчеева у Зимней канавки. «Вот, смотри, – говорил он мне, – это «обед» – и щедро выдавливал из тюбика дорогую краску, а это – «ужин» – и выдавливал другую. Обед и ужина действительно не было, но иногда на крышу поднималась жена Галина с термосом и бутербродами и художник приходил в восторг. Мне было проще – я осваивал более дешёвые материалы. Критиковал он меня весьма резко (как и всех других) за «архитектурные приёмы» и модную технику «по мокрому». Но однажды в майский солнечный день мы писали Выборгскую набережную со стороны Ботанического сада. В какой-то момент он взял у меня и кисть, и пейзаж: «Ну вот, наконец, ты стал писать, а не красить. Я эту вещь забираю себе – подпиши». Я стал писать второй этюд – для себя, но это уже было не то.

У Рахлова был самый любимый «персонаж» – Михайловский замок. Он рисовал и писал его много раз: и с заснеженного Мар-

Исаченко В.Г., Рахлов Г.В. Мужской портрет. 1963.

сова поля, и с крыш домов на Мойке, и с роскошными кустами белой сирени на переднем плане. Именитые художники молча, не без зависти, смотрели на эти холсты, иногда говоря: «Крепко сделано», «Какая композиция!».

И Михайловский замок, и Петропавловскую крепость мы писали с очень удобной для работы крыши дома Бецкого у Летнего сада, которая довольно долго была нашей мастерской.

В весенний день на крышу дома
Походкой легкой поднимись
Всё то, что нам внизу знакомо,
Не узнаёшь, поднявшись ввысь.
Ещё не ярко солнце светит,
И ветер зимний не утих,
Но глаз художника заметит
То, что сокрыто для других.
И этот мост – стрелу стальную,
И краны там, на берегу,
И этот дом, где я зимую –
Я всё изобразить могу.
Ещё не ярко солнце светит,
И ветер зимний не утих,
Мне сверху видно всё на свете,
Не слышно лишь шагов твоих.

1966 г.

Из пейзажей, написанных Рахловым с этой крыши и внизу, можно было бы устроить тематическую выставку.

Особый разговор – о его Белых ночах. Это были довольно большие холсты с невскими набережными и плотами, по которым мы однажды переправились с Синопской набережной на правый берег. Один из этих пейзажей я помню по сей день, и в нём – гордый образ моего города – величественный – без помпезности, с целой флотилией золотистых плотов и фигурами сплавщиков на них.

Как и большинство ленинградских художников, Рахлов привычно устремлялся на Крюков и Екатерининский каналы, на Фонтанку и на Мойку, особенно им любимую: ведь здесь был его Стасов.

Могу утверждать, что никто не писал с такой проникновенностью Аптекарьскую набережную у Ботанического сада и Пе-

троградскую набережную с Нахимовским училищем, как он. Он мало интересовался тем, кто и когда строил то или иное здание, но почти безошибочно ощущал самую суть творчества того или иного зодчего. Модерн не любил и мог обосновать свою нелюбовь. Однако делал исключение для А. Ф. Бубыря (дом № 159 на Фонтанке).

Не могу не вспомнить «Золотую осень в Юкках», в которой берёзовая листва написана не обычными (порой ядовитыми) жёлтыми красками, а охрой. Видя мой восторг, Георгий Васильевич спросил: «Есть звон?». Звон был – благодаря точно найденным соотношениям цвета и тона деревьев, неба и травы. Я знаю, сколько пейзажей было подпорчено даже известными мастерами прошлого из-за этой «желтизны». Рахлов очень болезненно относился к фальши в цвете и тоне: «Ну что же ты делаешь?!» – нервничал, выхватывал кисть из руки своего товарища и, увлекаясь, заканчивал работу, говоря: «А теперь пиши сам». Собственное мастерство и авторский почерк приобретал благодаря ежедневному труду «на натуре» – на пленере, в мастерских и изостудиях, лучшие из которых были в Выборгском дворце культуры и Доме

Рахлов Г.В. Иосифо-Волоколамский Успенский монастырь. 1963.

архитекторов, которыми руководили замечательные живописцы Александр Владимирович Шмидт и Лев Израилевич Вальштейн – оба ученики Петрова-Водкина. Мы рисовали и писали людей, позировавших когда-то Петрову-Водкину и его одногруппнику Кустодиеву. Наши мэтры, а их было немало, о работах Рахлова говорили: «крепко сколочено», т.е. скомпоновано, «ни убавить, ни прибавить» и т.д. В Доме архитектора он восхищал всех своими пастелями, а архитектор Николай Алексеевич Зазерский (1907–1980), работая рядом, приводил нас в такое же восхищение роскошными акварелями. Н. А. Зазерский – сын выдающегося зодчего А. И. Зазерского (1876–1942) – один из авторов Заневской площади, домов на Выборгской стороне, в Урицке и Петергофе, но мы его особенно ценили, как живописца, и Рахлов ставил его в пример всем нам. Они с почтением относились друг к другу, и каждый был первым. Не могли оставить равнодушным виртуозные рисунки сидевшего рядом со мной обаятельнейшего В. С. Васильковского, впоследствии профессора ЛВХПУ им. В. И. Мухиной. В этой студии все были равны, здесь царил подлинно творческая атмосфера, и каждый был Личностью. Обсуждались новые выставки, а они сменяли одна другую – только успевай посещать. Грандиозные выставки из зарубежных музеев по сей день живут в моей памяти. Эрмитаж был для нас родным домом.

Работы Рахлова не менее двух-трех раз в год экспонировались на выставках, но он предпочитал устраивать просмотры у себя дома. Всё, не имевшее отношение к живописи, отступало на задний план, и вот самое главное: мы любили творчество друг друга, гордились работами друзей так же, как своими собственными. Сегодня можно с уверенностью сказать: это было время расцвета ленинградского искусства – живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Великое множество произведений разошлось по всей стране и оказалось за рубежом. Сотни первоклассных картин моих дорогих учителей ныне украшают музеи и частные собрания Японии, США, Германии и др. Это результат перестроечных лет. Искусствоведы «не заметили»

и ныне предпочитают не замечать этого истинного ренессанса отечественного искусства.

Я немного отвлѣкся от самого Рахлова, но ведь он был в гуще той бурной и неповторимой художественной жизни.

1966 год. Казанский собор в лесах (кстати, очень хорошо сделанных), и мы пишем Невский проспект, сидя под куполом, и ощущаем себя хозяевами города. Я рисую, и тут же складываются стихи. Рахлов доволен и благодарен Воронихину за праздник. С тех пор Стасов и Воронихин для меня не классики, а родные и душевно близкие люди.

Рахлов был страстным рисовальщиком, и я был едва ли не единственным человеком, которому разрешалось видеть весь процесс создания образа в пейзаже или портрете. Было захватывающе интересно следить за движениями его руки, напоминая игру музыканта. Он и был музыкантом в душе и сожалел, что не умеет петь (даже в хоре).

Последние годы жизни художника прошли в Москве, и они оказались чрезвычайно плодотворными. Он участвовал в реставрации (точнее в возрождении) новгородских фресок, затем портретов XVIII века в Кусково и фресок в одной из подмосковных церквей. Он много писал Москву, пользовался любовью и уважением в столице, но москвичом так и не стал. Верным и надёжным помощником во всех его делах была его вторая жена Тамара.

Его произведения, в том числе и работы ленинградского периода, оказались у московских друзей и знакомых. Это, конечно, хорошо, а всё-таки жаль, что не у нас.

У него были золотые руки, он любил технику, сам сделал проигрыватель, когда они были в дефиците, изобрёл какой-то хитроумный прибор в помощь реставраторам живописи, который я по его просьбе передал М. Б. Пиотровскому.

Прошло уже 18 лет с тех пор, как его не стало.

Золотые кладовые: Библиотеки, архивы, музеи

Ирина Кузнецова,
начальник Военной
исторической библиотеки
Генерального штаба ВС РФ

Петр Лаврук,
ведущий библиограф Военной
исторической библиотеки
Генерального штаба ВС РФ

«В реестре потерь библиотека не числится...»

Если в результате какой-нибудь разрушительной катастрофы с лица Земли исчезнут все центры образования и культуры, если на свете не останется ничего, кроме БИБЛИОТЕК – у мира и человечества будет возможность возродиться.

Д. С. Лихачев.

20 июня 1941 года начальник штаба Ленинградского военного округа генерал-майор Дмитрий Никитич Никишев вызвал по телефону начальника библиотеки подполковника Николая Сиротенко.

Через несколько минут Николай Яковлевич уже был у него в кабинете. Поприветствовали друг друга.

Начальник штаба был весьма утомлен. Да и было от чего. Командующий войсками генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов выехал на Кандалакшско-Мурманское направление, взял с собой начальников управлений и отделов. На Дворцовой площади, в штабе военного округа, было тревожно.

Накануне начштаба довел до офицеров сведения о сосредоточении в Финляндии немецко-фашистских дивизий, перебрасываемых из Германии и Норвегии. Призвал к бдительности.

Генерал-майор Никишев и подполковник Сиротенко знали давно по совместной службе. И когда Николая Яковлевича политическое управление округа представило на должность руководителя библиотеки – начальник штаба не возражал против назначения. Больше того, знал, что на этого офицера можно положиться.

– Как тебе, братец, на пенсионной должности служится, – не отрываясь от карты, спросил Никишев. – Хотя знаю, Вы больше в войсках любите быть. Будем собираться в дорогу. Понятно?

– Не совсем.

– Обстановка очень усложнилась. Подумай, как спасти наши ценнейшие книги. Куда их переместить. Сколько томов войдет в ящики из-под спичек, чая, махорки? Держите связь с комендантом штаба.

Утром следующего дня Сиротенко связался с комендантом – старшиной Малеванченко. Получил четыре ящика и вместе с сотрудниками библиотеки стал укладывать в них книги. Трудно было оценить, какие из фолиантов более ценные. Решили вначале упаковать старый фонд.

21 июня все четыре работника библиотеки уехали домой поздно ночью. А через несколько часов дежурный передал Сиротенко, что в штабе объявлена тревога. Было велено вызвать и весь гражданский персонал.

Около пяти часов утра генерал Никишев пригласил к себе в кабинет начальников родов войск и офицеров непосредственно ему подчиненных.

– Война, товарищи! Фашистская Германия напала на Советский Союз. Всем приступить к выполнению своих планов, – распорядился он.

Подполковник Сиротенко хотел было доложить начштабу о проделанной работе. Ящики были упакованы, в каждый вошло по пятьдесят девять книг. Отбирали самые ценные. Его три помощника, которые работали в библиотеке (по штату НКО

№48/905) буквально с ног валились, чтобы подобрать рекомендованные начальником библиотеки книги.

Николай Яковлевич сам в полной мере не владел информацией, в каких шкафах и на каких полках хранится старый фонд. Прошло каких-то шесть месяцев (с 10 января 1941 г.), как он принял библиотеку у Вячеслава Георгиевича Леонтьева. Пришлось обращаться к нему.

Леонтьев пришел в библиотеку в 1921 году и проработал в ней в общей сложности более 20 лет, прошел путь от библиотекаря до заведующего. Именно он проводил работу по сбору дореволюционной литературы из старых особняков царского времени, составлял каталоги, проводил инвентаризацию этих книг, систематизировал и распределял по шкафам литературу, стараясь сохранить ее для будущих военных историков и исследователей.

В марте 1939 года библиотека перешла в ведение Ленинградского военного округа и стала именоваться Ленинградская военная библиотека штаба. Вячеслав Георгиевич был переведен в Военно-транспортную академию начальником библиотеки. 23 июня 1941 года он тоже получил указание готовить книжный фонд для эвакуации в город Кострому.

Несмотря на большую занятость, ветеран библиотеки Леонтьев помог новому заведующему отобрать нужную литературу. Это было нелегко. Сотни томов книг лежали более двадцати лет, необработанные и неучтенные в каталогах, несмотря на все усилия персонала библиотеки.

Подполковник Сиротенко час за часом пытался доложить начальнику штаба о выполненной работе и уточнить дальнейшие действия. Заместитель командующего генерал Константин Павлович Пядышев, видя, как переживает начальник библиотеки свое безучастие в эти трагические дни, сказал:

– Николай Яковлевич, успокойтесь, не до вас Никишеву. Он уже какие сутки на ногах. Пойдемте в мой кабинет, я верну библиотечные книги.

Константин Павлович был активным читателем. Брал книги не только себе, но и своей супруге. Подобным образом, в это хло-

потное время, многие офицеры и генералы старались вернуть в библиотеку полученные накануне книги. Комбриг Евстигнеев прислал со своими помощниками книги по Финляндии. Начальник отдела боевой подготовки инженерного управления майор Николай Сергеевич Иванов принес литературу, полученную им и его начальником, подполковником Борисом Владимировичем Бычевским. Подобным образом поступали многие читатели библиотеки. Так были воспитаны люди того поколения.

Разумеется, в эти тревожные дни мало кто посещал библиотеку. Больше слушали радио. Жадно ловили каждое слово. С большим энтузиазмом восприняли ленинградцы директиву СНК и ЦК партии о задачах партийных и советских органов прифронтовых областей по организации отпора врагу. Один работник библиотеки написал заявление о поступлении в народное ополчение. Эти сведения почерпнуты из докладной записки подполковника Сиротенко заместителю начальника штаба ЛенВО по политической части полковнику Соколову (сентябрь 1945 г.).

Рано утром 30 июня подполковнику Сиротенко позвонил начальник оперативного отдела генерал-майор Павел Георгиевич Тихомиров:

– С обстановкой хочешь познакомиться? Тогда заходи ко мне.

В кабинете у генерала Сиротенко застал многих начальников отделов. Они готовили материал к докладу на Военном совете.

– Вот шифротелеграмма, ознакомься и принимай меры, – сказал начопер.

Николай Яковлевич пробежал бумагу глазами. В списках эвакуируемых учреждений Ленинградская военная библиотека штаба Ленинградского военного округа не значилась.

Вскоре начальник библиотеки получил директиву Главного управления формирования и укомплектования войск № орг/6/540418 от 2 октября 1941 года, в которой значилось, что из штата библиотеки исключены трое его помощников.

Война не изменила статус библиотеки. Она не была закрыта, а наоборот функционировала круглосуточно. Подполковник Сиротенко перешел на казарменное положение. Спустя год после

описываемых военных событий он в докладной записке начальнику штаба писал: «...Новая директива Оргштатного управления Генштаба КА № орг/6/789786 от 9 декабря 1942 года не предусматривает увеличение штата библиотеки. В течение полутора лет я работаю один, по существу являюсь хранителем книжного фонда, а не начальником библиотеки... Ко всему прочему веду обслуживание читателей...».

В период блокады библиотека разделила судьбу Ленинграда. Несмотря на тяжелые условия, не прекращала своей работы. В 1942 году ее фонд составлял свыше 200 тысяч экземпляров. Самоотверженный труд заведующего достоин восхищения. Ему удалось полностью сохранить фонды уникальной военной библиотеки.

Весной 1942 года Николаю Яковлевичу прикрепили в помощь киномеханика, молодого парня, рядового Валерия Мелюхова. Вместе они провели большую работу по приведению в порядок части фондов, их передвижение из круглого читального зала-ротонды, в котором стеклянный купол был во многих местах «ранен».

Валерий Николаевич Мелюхов

В котором стеклянный купол был во многих местах «ранен». Во время дождей и снегопадов его заливало водой.

Старая сотрудница библиотеки Полина Почтарук, работавшая в период 1941–1945 годов техничкой (уборщицей), рассказывала автору о том, как Сиротенко и киномеханик Мелюхов спасали библиотеку. «Они вместе с книгами ежедневно переживали трагические, голодные дни 1942-1943 годов. Тут же в библиотеке они жили, питались. Питались, сказано очень с натяжкой. Существовали впроголодь.

Оба они размещались в зале-ротонде. Ближе к инкрустирован-

ным окнам. Николай Яковлевич устроил себе постель из четырех ящиков, в которых хранились книги, отобранные для эвакуации, а Валера Мелухов отдыхал на солдатской кровати. Между ними была размещена печка-буржуйка. Установлена она была на том месте, где ранее возвышался на постаменте бюст основателя библиотеки Императора Александра I. События октября 1917 года изменили взгляд на деяния государя. Бюст был реквизирован, а на постамент была водружена конная фигура кирасира. Сейчас та часть пола, где находилась печка-буржуйка, выложена другой плиткой.

Буржуйка не могла обогреть все помещение. Иногда казалось, что в библиотеке холоднее, чем на улице...», – рассказывала Полина Почтарук.

Библиотека жила, боролась, ни на один день не прекращала работу. Читальным залом, по-прежнему, была ротонда. Командиры, обслуживающие штаб вольнонаемные Красной армии шли в библиотеку и получали нужные книги: о боевой технике, лечении цинги, строительстве ледовых дорог, по гидрологии. На Дворцовой площади рвались снаряды, на крышу здания падало множество зажигательных бомб. Лишь самоотверженность бойцов, зенитных расчетов, спасла здание от разрушения. Библиотека сохранила во время блокады все свои фонды.

Существует несколько легенд о том, что книги, словно солдаты, сражались в блокадные дни. Они также терпели холод и другие невзгоды. Анастасия Филипповна Андреева, которая проработала в этой библиотеке 34 года, не раз говорила своим близким о том, что зимой 1942 года начальник библиотеки Сиротенко сдал в фонд обороны Советского Союза около двух килограммов ценностей – золотых вещей и камней. Все это: замки, пряжки, застежки, бриллиантовые украшения, было снято с книг о коронации императоров и других раритетных изданий. Но никаких документальных подтверждений этого факта пока не обнаружено.

И все же давно известна библейская притча «Однажды спрятанное, когда-нибудь будет найдено».

Книжные богатства библиотеки в годы блокады не истощались, а наоборот пополнялись новыми изданиями. Благодаря

усилиям заведующего, в 1941 году в ее фонд поступило 362 экземпляра книг. Самый тяжелый был 1942 год. В 1943 поступило 804 экземпляра, а в 1944 – 1104, в 1945 – 509 экземпляров. Регулярно поступали периодические издания «Красная звезда», «На страже Родины», «Правда» и целый ряд других изданий, которые и по сей день хранятся в фондах библиотеки.

В докладной записке, адресованной Военному совету Ленинградского фронта в октябре 1943 года, подполковник Сиротенко докладывал, что *«начальник библиотеки, вместе с прикомандированным красноармейцем-художником и старшиной-киномехаником, обслуживают личный состав штаба фронта».*

Частыми гостями в библиотеке были офицеры газеты Ленинградского фронта «На страже Родины». Газета располагала замечательными кадрами военных журналистов. А в начале войны в редакцию пришла группа известных ленинградских прозаиков и поэтов, они органически влились в газетную семью. «На стражевцы» располагались на Невском, 2.

Не раз бывал в библиотеке писатели и поэты Николай Тихонов, Виссарион Саянов, Александр Прокофьев, Всеволод Рождественский. События тех лет крепко запечатлелись в памяти Валерия Николаевича Мелюхова – бывшего киномеханика, прикомандированного к библиотеке: *«От Николая Яковлевича я узнал, что штаб фронта располагается в Смольном. В здании Главного штаба работает как бы вспомогательный состав».*

Моя обязанность была три раза в неделю показывать кинофильмы офицерам и солдатам охраны. Клуб находился на 4 этаже, рядом с архивными помещениями. Сам штаб сильно охранялся. Например, у 2-го подъезда всегда было двое часовых. Само здание было укрыто маскировочной сетью. На крыше дежурили два зенитных расчета».

Первым, с кем меня познакомил начальник библиотеки, был Николай Тихонов. Я уже был знаком с его творчеством. Читал его материалы и ясно ощущал напряженную обстановку той поры. Николай Яковлевич поручил мне организовать выставку работ писателя. В августе 1942 года Николай Семенович напи-

сал двадцать шесть статей и очерков. Двенадцать из них были предназначены специально для газеты «На страже Родины». О характере этих работ можно судить по их названиям: «Коричневая саранча», «Фашистские душегубы», «Имена героев бессмертны», «Богатыри русского неба», «Список лейтенанта Шульца», «Сила России», «На Бремен падают бомбы»».

В библиотеке устраивали выставки. Одна из них была посвящена творчеству Всеволода Вишневского. Основным фрагментом – была статья «Сражаться за троих». В горячей призывной статье автор писал, что «*немецкое кольцо у Ленинграда не стальное, его можно согнуть, сломать. Надо быть все настойчивее*». Привел ряд примеров усиления связи флота и армии.

– Это время нам не забыть никогда, – говорил Валерий Николаевич. Он, как и подполковник Сиротенко, был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Это была единственная и самая дорогая для них награда за всю войну.

Их подвиг в том, что они спасли уникальную библиотеку, сохранили раритетные издания русской военной истории, и их подвиг никогда не забудется.

Разве расскажешь обо всем, что пришлось увидеть, пережить, почувствовать за годы блокады спасителям военной библиотеки? Многое уже скрылось за перевалами минувших лет. Бесценный документ – докладная записка Николая Яковлевича Сиротенко начальнику штаба фронта:

«В библиотеку офицерский состав и обслуживающий персонал заходят редко. Ряд специальной военной (справочной) литературы отправлен в штаб фронта Смольный. Мы боролись за жизни каждой книги.

Создалось положение, при котором ценнейшие книжные фонды лежат мертвым капиталом и совершенно не используются, пополнение новыми книгами носит случайный характер, а обслуживание читателей поставлено совершенно неудовлетворительно.

...Еще в 1942 году вышло из строя центральное отопление, которое не восстановлено, часть дубовых книжных шкафов в результате низкой температуры и влаги деформировалась, мно-

гие стекла потолка центрального зала побиты и зал-ротонда во время дождей заливает водой, штукатурка и лепные украшения в большом зале в ряде мест обвалились, повреждена электропроводка, настольное освещение. В реестре потерь библиотека не значится...».

В этих труднейших условиях библиотека держалась. Положение в Ленинграде было по-прежнему очень тяжелым. Ладожская дорога жизни работала далеко не в полную силу. В городе не хватало насущно необходимого. Смерть буквально косила людей. *«В январе и феврале смертность достигла своего апогея: за эти 60 дней умерло 199187 человек»* – писал в своей книге уполномоченный ГКО по продовольственному снабжению войск Ленфронта и населения Ленинграда Д. В. Павлов.

В конце января 1942 года иждивенцы стали получать по двести пятьдесят граммов хлеба в день, рабочие – по четыреста.

Валерий Николаевич Мелюхов рассказывал (октябрь 2005 года):

«Мы получали по четыреста граммов хлеба. Это была норма тыловых частей. Николай Яковлевич снабжался по другой норме – получал шестьсот граммов хлеба. Не раз он какой-то ломтик отдавал мне. Было время, когда я начинал терять присутствие духа и силы, мне даже тяжело было подниматься по ступенькам в библиотеку.

Самое тяжелое время – ночь. Мы спали в одежде. Непременно имели две палки – это были черенки от лопат. Одна палка была в ногах, другая у изголовья. Донимали крысы. Приходилось отгонять их палками. За ночь мы делали два-три, а то и более обходов всего помещения. Разгоняли грызунов. И не случайно. Они объедали клеевые обложки книг, корешки. Топить нашу буржуйку было нечем.

И как мы обрадовались, когда в подарок под Новый год начальник фронтового отдела газеты «На страже Родины» Яков Филиппович Потехин – хороший приятель Сиротенко, принес нам в подарок несколько березовых поленьев. Какая это было радость!».

Мелюхов поведал о многом из жизни библиотеки в блокадные дни: как мерзлыми руками убирали изморозь с обложек

книг, как разогревали чернила, чтобы выписать читательский билет или оформить читателю книгу, собирали сведения о героях – защитниках Ленинграда. Как радовались, когда можно было принять горячую пищу, сходить в баню. Но это было уже после блокады.

Вместе со всей страной офицеры, солдаты, служащие Красной армии с огромным нетерпением ждали вестей о полном снятии блокады.

И вот пришел день – 27 января 1944 года, великий день, на пути к которому были девятьсот дней и девятьсот ночей блокады, неисчислимые жертвы, пламя боев и непередаваемые голод и холод. Гром салюта над Невой заглушил боль защитников Ленинграда.

Нелегкая судьба досталась библиотеке и ее работникам, и защитникам. Когда по репродуктору было сообщено о Победном салюте столицы в честь защитников города Ленинграда, Николаем Яковлевичем и молодой старшина Мелюхов заканчивали очередную тематическую выставку «В твою честь, солдат Ленинграда, гремела Москва победными и радостными залпами салюта!». Несколько экспонатов этой выставки хранятся в библиотеке и по сей день.

В послевоенное время, уже в 1948 году, подполковник открыл ящики с книгами, которые планировались для эвакуации. Там были обширные собрания книг историка Вихмана, книги Лобанова-Ростовского, ряд книг из библиотеки Гвардейского корпуса, собрания сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина, рукописный вариант Устава Петра I, изданный в 1719 году, первое издание труда военного историка Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

В 1948 году Директивой заместителя начальника Генерального штаба были предусмотрены ремонтные и другие работы по восстановлению библиотеки.

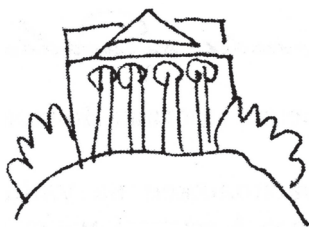
Давно нет в составе библиотеки тех, кто, падая от усталости и голода, спасал ее фонды. Иной стала библиотека. Николай

Яковлевич Сиротенко дождался ремонта и восстановления всего книжного фонда и уволился в 1956 году, а Валерий Николаевич Мелюхов окончил Педагогический институт им. Герцена. Был учителем истории, инспектором Института усовершенствования учителей.

Вечная им память!

Загородная жизнь

Галина Николаевна Зелянина,
библиограф Центральной
детской библиотеки
Выборгского района
Санкт-Петербурга

«...В моём любезном Парголово»

В 2014 году исполняется 190 лет со дня рождения В. В. Стасова. Говоря об истории северных окрестностей Петербурга, не возможно не вспомнить имя этого критика, искусствоведа, полиглота.

В мае 1854 года Владимир Стасов вернулся в Петербург из Италии, где путешествовал и работал. Первое упоминание о Парголово – лето 1859 года, хотя среди писем к родным есть рисунок молодого Стасова, подписанный «Парголово – 1854» [1, С. 277]. На рисунке изображен дом на холме, слева на возвышении – несколько крестьянских изб. На переднем плане – озеро, где рыбак на челне удит рыбу. Сын выдающегося архитектора, Стасов хорошо рисовал.

Ещё один рисунок Стасова рассказывает нам о Парголово – «Путь в Парголово» [2, С. 349]. В письме к дочери 14 мая 1879 года он нарисовал паровозик с трубой-воронкой, который тащит по рельсам несколько вагонов. На переднем плане – ели на откосе, и 3 человека (вероятно, дети) наблюдают за составом.

Стасовы стали парголовскими дачниками ещё при жизни отца, Василия Петровича Стасова, который с 1846 года каждое лето проводил в Заманиловке. Почти тридцать лет дачные сезоны В. В. Стасов проводил в деревне Сторожиловка, неподалёку

от Шуваловского парка. Дача не являлась собственностью Стасовых, 28 лет они снимали её у крестьян Безруковых. Это был двухэтажный деревянный дом со стеклянной верандой (не сохранился). Он стоял на возвышенности. Неподдалёку жила подруга и спутница В. В. Стасова Сербина Елизавета Клементьевна с их дочерью Софьей. В Заманиловке в дальнейшем жила семья младшего брата, Дмитрия Васильевича, юриста.

Владимир Васильевич очень любил дачную жизнь. В письме С. В. Медведевой, своей внучке, 13/26 апреля 1905 г. он писал: «Недели через 4 или 5 уже и дача начнется, и авось, я опять буду в Парголово, с утра до вечера буду на чистом воздухе, в русской рубашке и высоких сапогах, буду 100 раз выходить в сад, кончая то ту, то другую новую страницу свою, буду понемножку, урывками, нюхать цветы направо и налево на средней аллее нашего сада, в сторону от шведских качелей, и с другого конца тоже в сторону от большого пруда (недавно выкопанного одним богатым дачником), с плавающими белыми и черными утками, буду рассматривать пристально и любезно, какие новые цветы расцвели по клумбам со вчерашнего вечера, и после такого антракта буду снова возвращаться к себе в комнату наверх, в стеклянную мою галерею, к ширме из восточной материи, опять буду веселый и храбрый усаживаться за начатую работу и писать, и писать, и писать!» [5, С. 18].

15 июля¹, в день именин Владимира Васильевича, дача украшалась флагами, гирляндами. В иные годы собиралось до 40 человек гостей. Праздничный обед, музыкальный вечер. Письма, телеграммы, подарки: акварели, нотные посвящения, предметы старины. Сам хозяин выходил к гостям в русской рубахе, подпоясанной кушаком. Русскую рубашку, как дачный наряд, он впервые упоминает в письмах 29 июля 1870 года.

В иные годы В. В. Стасов почти не бывал летом в Парголово, так как путешествовал за границей. Бывая за границей, он часто вспоминает Парголово: то уличные музыканты играют хуже, чем

---

¹ День св. князя Владимира.

на концертах в Парголово, то в гостинице клопы кусают, точно комары в Парголово.

О встречах В. В. Стасова на даче с музыкантами и художниками написано немало. Хочется рассказать об окружении литераторов-дачников. Владимир Васильевич всю жизнь много читал, как специальной литературы, так и художественной. О том, какой он был читатель, можно судить по отрывку из его письма: «...Вчера... уж так было тошно, что просто святых вон неси. И взял я по печальности книгу, которая сейчас под рукой лежала. Эта желтая книга оказалась – 1-й том Толстого – Д е т с т в о , О т р о ч е с т в о и Ю н о с т ь... В единую секунду забыты были собственная никуда не годная пачкотня, и я, сам того не замечая, читал, читал, читал, точно первый раз на свете, эту прелесть, эту красоту, эту правду и грацию» [3, С. 253].

Л. Н. Толстого Владимир Васильевич называл Львом Великим. С И. С. Тургеневым лично был связан и переписывался на протяжении нескольких лет. До самой смерти любил читать и перечитывать А. И. Герцена.

На даче в Старожиловке в гостях у Владимира Васильевича побывала английский литератор и музыкальный критик Роза Ньюмарч (1857–1940). В 1895 году Роза познакомилась с биографией и письмами А. П. Бородин, изданными В. В. Стасовым и переведёнными А. Габетсом, и увлеклась русским искусством. Она неоднократно приезжала в Петербург, работала в Публичной библиотеке. Из её воспоминаний: «Сколько дней я провела в саду Стасовской дачи в Парголово в те моменты, когда березы только что облачаются в свою весеннюю одежду зелени и серебра, точь-в-точь, как французские академики» [6, С. 79].

4 августа 1902 года состоялось знакомство величественного старца и юного поэта Самуила Маршака. Семья Маршака снимала дачу в Лесном. На одном из дачных праздников, где Сёма читал стихи собственного сочинения, было решено познакомить его со Стасовым. Это знакомство изменило жизнь подростка: «Теперь, после Петербурга, я так глубоко сознаю все значение для меня Вашего дома, Вашего мира, настоящего, талантливое,

*В. В. Стасов с П. С. Стасовой, С. Я. Маршаком и скульптором
И. Я. Гинцбургом. Парголово. 1902.
(URL: <http://s-marshak.ru/photo/detstvo/>)*

чудного, куда я попал совсем ребенком и где столько слышался и виделся!»². Владимир Васильевич купил мальчику книги, водил в музеи, на выставки картин, старался отвечать на все его

---

² Письмо из Ялты 29 декабря 1904 г.

вопросы. Маршак встречался со Стасовым почти ежедневно – и в библиотеке, и в доме Стасова на 7-й Рождественской улице, и на даче. «На даче Владимир Васильевич укладывал меня на ночь в своей комнате, наверху, и часто будил меня громовым, стасовским, шепотом: – Сам, ты спишь?», – вспоминал Самуил Яковлевич. В дальнейшем, Стасов приложил все усилия, чтобы перевести мальчика из острогожской гимназии в Третью петербургскую. В стихотворении «Владимир Стасов»³ и в автобиографической повести «В начале жизни» (1960) С. Я. Маршак с благодарностью вспоминал «неугомонного великана».

Соседом Стасова и ежедневным его посетителем был критик и историк литературы Санкт-Петербургского университета Семён Афанасьевич Венгеров (1855–1920). Свою литературную и научную деятельность Семён Афанасьевич начал ещё в студенческие годы. Основные работы Венгерова были посвящены истории русской литературы. Им были также составлены ценные библиографические труды, хотя и не законченные, но до сих пор сохраняющие своё практическое значение, в том числе «Критико-библиографический словарь русских писателей и учёных» и «Источники словаря русских писателей». В 1891–1897 гг. Венгеров выступил как редактор отдела литературы «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где поместил более 100 своих статей. Семён Афанасьевич преподавал историю русской литературы в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете. Венгеров – инициатор, создатель и первый директор Российской книжной палаты.

Соседом слева у Венгерова был писатель Михаил Нилович Альбов (1851–1911). Кто сейчас вспомнит это имя? А между тем, издательство Маркса в 1906–1908 выпустило Собрание сочинений этого писателя в 8 томах! Стремление к профессиональному писательству проявилось в Альбове очень рано. Подражая «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, он написал произведение под названием «Растрепалкин». Затем последовали романы

³ Впервые опублик. в журнале: Новый мир. 1954. №12.

М. Н. Альбов

«Английский матрос» и «Маркиза де Бренвилье». Еще тринадцатилетним гимназистом Альбов напечатал рассказ «Записки подвального жильца», этим предопределив круг своих позднейших художественных интересов. Альбов всю свою жизнь существовал только на литературный заработок и поэтому непрерывно нуждался. Уже будучи известным писателем, автором сборника повестей, он в конце 1885 года обращался с просьбой об устройстве его газетным коррек-

тором. Постепенно развивавшийся туберкулез пагубно отразился на организме писателя, и после опубликования в 1903 году последнего своего крупного произведения, «Глафириной тайны», Михаил Нилович почти прекратил активную творческую работу. В конце жизни Альбов был очень болен, всё реже бывал на даче в Парголово, всё чаще – в имении своих украинских родственников. Но скончался он в Старожиловке 12 июня 1911 года.

Неподалёку от дачи Стасова летом 1906 года поселился Фёдор Фёдорович Фидлер (1859–1917), который был знаком и дружен с Альбовым и Венгеровым. По происхождению немец, он был фанатично предан русской литературе. Много сделал для того, чтобы произведения русских писателей читали в Германии. Можно назвать его «человек – музей»: фотографии писателей, обрывки страниц, написанных ими, пробки от бутылок и даже...окурки – всё собиралось коллекционером для создания собственного литературного музея. На протяжении всей жизни, начиная со студенческих лет, Фидлер вёл дневник на немецком языке. Благодаря переводу К. М. Азадовского [12], мы имеем возможность познакомиться с уникальными наблюдениями, как за литературным процессом, так и за бытовыми деталями жизни писателей. В своём дневнике Фёдор Фёдорович указывает адрес летом 1906 года: Старожиловка, на берегу озера, дом 11.

*Ф. Ф. Фидлер (слева) и С. А. Венгеров. РГАЛИ. Ф. 518. Оп.4.
Ед. хр. 53. Л.40.*

Со Стасовым Фидлера познакомил С. А. Венгеров. Владимир Васильевич подарил Фидлеру фотографию с надписью «Дорогому Дару Божию и Музыканту (Федору Фидлеру) от прилежного слушателя и читателя. В. Стасов. Старожиловка. 10 авг. 1906».

«Вот 19 августа – пишет Фидлер. – Мы переезжаем в город. Мебель на возах. Среди пустой гостиной сидит Владимир Васильевич, пришедший с нами проститься. Я выражаю надежду, что и через год буду его видеть в нашем саду любующимся у забора видом на озеро с зелёным островом по середине⁴, (это озеро он

⁴ Орфография сохранена – Г.З.

когда-то переплывал вместе с И. Е. Репиным) – а он спокойнейшим тоном отвечает: «Да, если я еще буду на свете», а 10-го октября 1906 г. его уже нет на свете» [6, С.288].

В 1907 году летом дача Безруковых была без постояльцев. В мае 1908 года в Александро-Невской лавре был открыт надгробный памятник В. В. Стасову. А 7 дней спустя человек 15 присутствовали при том, как на дачную веранду в Старожиловке прибывалась майоликовая доска работы скульптора И. П. Ропета (1845–1908), также парголовского дачника, с текстом С. А. Венгерова:

*На этой даче 28 лет
жил пламенный истолкователь
и подборник русского искусства
В. В. Стасов
1878–1906*

Доска была сфотографирована дочерью Ф. Фидлера Маргаритой, и это фото явилось иллюстрацией к статье Ф. Ф. Фидлера «Стасовская дача», которая была помещена в сборник воспоминаний «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». Вступительная статья к этому сборнику была написана С. А. Венгеровым.

Весной 1915 года умерла жена Фёдора Фёдоровича, видимо, дачу он не успел снять, так как в своем дневнике он упоминает, что Чуковский подыскивает ему дачу в Куоккале. Лето 1916 года Фидлер вместе с дочерью жил на Даче писателей на станции Ермоловская Приморской железной дороги (ныне не существует). Вскоре Фидлер серьезно заболел и умер 24 февраля 1917 года.

После Октябрьского вооруженного восстания музейное собрание Ф. Ф. Фидлера «расколосось» на кусочки, некоторые из них до сих пор не найдены. Часть коллекции хранится сейчас в Пушкинском доме. В РГАЛИ (Москва) хранится альбом Фёдора Фёдоровича с фотографиями. На пожелтевших фото Федор Фёдорович на крыльце своей дачи вместе с С. А. Венгеровым. Это

именно дача Фидлера, так как на других снимках это крыльцо неоднократно фигурирует.

На одной из фотографий Федор Федорович сидит на скамейке возле какой-то дачи. Это явно дача Стасова, причём после смерти последнего, так как над средним окном видна памятная доска. Это фото можно сравнить с рисунком И. Я. Гинцбурга, который находится всё в том же сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову», и убедиться в правильности предположения.

Велик был вклад Владимира Васильевича в русскую культуру. Стасовская дача в Старожиловке являлась центром музыкальной и художественной жизни северных окрестностей Санкт-Петербурга. Здесь бывали известные музыканты, певцы, художники, скульпторы и литераторы.

Жива внучка крестьянки Елены Безруковой, дачей которой пользовался В. В. Стасов. Она живёт в Парголово, её также зовут Еленой.

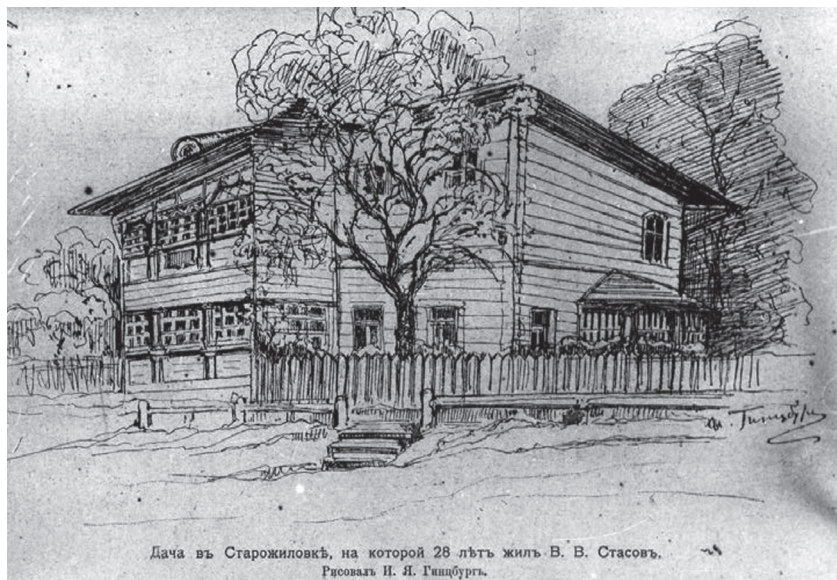

Рисунок И. Я. Гинцбурга. (URL: <http://www.citywalls.ru/>)

Литература

1. Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1. Ч. 1 (1844-1859). – М., 1953. – 312 с.: ил.
2. Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1. Ч. 2 (1862-1879). – М., 1954. – 408 с.; ил.
3. Стасов В. В. Письма к родным. Т. 2 (1880-1884). – М., 1958.- 548 с.: ил.
4. Стасов В. В. Письма к родным. Т. 3. Ч. 1. (1895–1899). – М., 1962. – 419 с.: ил.
5. Стасов В. В. Письма к родным. Т. 3. Ч. 2. (1900–1906). – М., 1962. – 455 с.: ил.
6. Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову : сборник воспоминаний. – СПб., 1908.
7. Александрова Е. Л. Парголово = Parkala. – СПб., 2013. – 320 с.
8. Беспалова Э. К. Венгеров Семён Афанасьевич // Большая Российская энциклопедия. Т.5. Великий князь – Восходящий узел орбиты. – М., 2006. – С. 75.
9. Войналович Е. В. Альбов Михаил Нилович // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. А – Анкетирование. – М., 2005. – С. 551.
10. Лебедев А. К. В. В. Стасов / А. К. Лебедев, А. В. Солодовников. – М., 1982. – 192 с.: ил.
11. Салита Е. Г. Стасов в Петербурге / Е. Г. Салита, Е. И. Суворова. – Л., 1971. – 384с.: ил.
12. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / вступ. ст., сост., пер с нем., примеч., указат., подбор ил. К.М. Азадовского. – М., 2008. – 864 с.
13. РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 4. Ед. хр. 53.

Наша книжная полка

К выходу книги «Династия Остальцовых»

26 июня 2016 года исполняется 100 лет со дня рождения Веры Николаевны Остальцовой, человека, отдавшего всю свою жизнь служению Мариинскому/Кировскому театру и положившего начало театральной династии.

Работая в Мариинском театре почти семь десятков лет (с 1935 по 2002 год), пройдя путь от артистки миманса до заведующей архивом, относясь к своему делу с редкой любовью и преданностью, Вера Николаевна все эти годы собирала свой личный архив документов о родном театре.

В этом архиве живёт целая эпоха истории Мариинки. Театр был её домом, многие известные артисты были её друзьями. Среди них Николай Печковский, Георг Отс, Семён Каплан, Тамара Смирнова, Галина Ковалёва. Их автографы и письма – жемчужины архивной коллекции.

В связи с предстоящим юбилеем Веры Николаевны готовится к публикации книга «Династия Остальцовых», издание которой намечено на 2016 год.

В книгу войдут воспоминания о Вере Николаевне её коллег, друзей и близких, интервью с её самыми родными людьми – представителями династии, чья творческая жизнь связана с Мариинским театром, – Николаем Остальцовым, солистом балета, балетмейстером, организатором и руководителем многих балетных проектов, Натальей Спициной-Остальцовой, корифеем балета, балетмейстером-репетитором, Петром Остальцовым, артистом-солистом балета, ныне ведущим режиссёром балета.

Специально для читателей «Фонтанки» представляем несколько фрагментов из будущей книги.

Из доклада Ольги Овечкиной

Вера Николаевна Остальцова родилась в 1916 году. Её архивная деятельность как собирателя и коллекционера документов о Мариинском театре началась в 30-х годах прошлого века, с того момента, как судьба её тесно переплелась с этим знаменитым на весь мир храмом искусств. В ту пору он назывался ГАТОБ – Государственный театр оперы и балета. Театр стал для неё вторым домом и единственным местом работы почти на семь десятков лет.

«Кому же еще можно было поручить хранение истории театра, как не человеку, который знает о театре ВСЕ и ВСЯ», – так говорится в приказе, которым отмечено 60-летие трудового стажа Остальцовой в 1995 году. Здесь же мы читаем: «Все радости, творческие успехи, равно как и лишения и беды в годы лихолетья, делила Вера Николаевна со своим родным театром...».

А началось все с раннего детства и школьной скамьи.

Одним из первых поступлений в личную коллекцию документов о театре была открытка с изображением и автографом знаменитого тенора Николая Константиновича Печковского. В одном из интервью Вера Николаевна говорила: «Сколько я себя помню, мама брала меня с собой на все спектакли Мариинского театра. Наша соседка тетя Шура работала в Мариинке портнихой – костюмером, одевала теноров, поэтому с контрамарками проблем не было». Благодаря этому знакомству юная Вера проникала за

кулисы театра, где познакомилась с Печковским. <...>

Судьба подарила Вере Николаевне радость встреч с выдающимися артистами и музыкантами прошлого. Она была свидетельницей творчества Агриппины Вагановой, Леонида Лавровского, Софьи Преображенской, Ольги Мшанской, Галины Улановой, Натальи Дудинской, Аллы Шелест, Вахтанга Чабукяни, Константина Сергеева, Семёна Каплана и многих-многих других.

Вера Николаевна была дружна с Галиной Ковалёвой, Георгом Отсом, Борисом Штоколовым, Ларисой Дядьковой, Владимиром Галузиным и многими другими звёздами. Любой печатный или рукописный документ, связанный с

Вера Оста́льцова, артистка миманса. 1940-е гг.

Тамара Смирнова, Николай Печковский, Вера Оста́льцова. 1956.

*Николай Остальцов – Половчанин. Александр Бородин «Князь Игорь»
(Половецкие пляски). 1965.*

*Пётр Остальцов – Эспада. Людвиг Минкус «Дон Кихот». 1992.
Фото Юлии Ларионовой. Архив Мариинского театра.*

именем того или иного артиста, помещался в персональную папку или конверт и бережно сохранялся.

В одном из интервью газете «Мариинский театр» Вера Остальцова вспоминала: «Когда я пришла в театр, то стала собирать всё: рецензии, программки, афиши, фотографии. За полвека скопилась такая масса! Когда мне предложили передать материалы в Государственный архив литературы и искусства, я с удовольствием согласилась. Теперь там есть мой личный фонд, который так и называется «Фонд коллекционера Остальцовой». Штоколов, Богачева, Атлантов, Аскольд Макаров даже не знают, какой материал лежит о них в архиве. Дудинская, Сергеев, Лиепа: Марис, Андрис и Илзе, Образцова, Плисецкая, Якобсон, Бие-

шу... Когда смотрю на список, сама удивляюсь, как могла столько набрать. Несколько дней перевозили материалы в архив».

Несмотря на всю ее огромную любовь к театру и страсть к коллекционированию документов, Вере Николаевне не было свойственно собирать в своём личном архиве всё подряд. Она с юности была воспитана театром и много общалась с интересными людьми, много читала, знала английский, немецкий, польский языки.

Вере Николаевне посчастливилось встретиться в творческом процессе с такими выдающимися режиссёрами оперного театра, как Леонид Баратов и Илья Шлепянов, такими мастерами, как дирижёры Арий Пазовский, Владимир Дранишников, Даниил Похитонов и Борис Хайкин. Она была задействована в репетиционном процессе ИХ постановок, слышала ИХ замечания, выполняла ИХ указания.

Такие встречи не могли пройти бесследно.

Из воспоминаний Натальи Гамбы

Бытие Веры Николаевны в театре проходило не только в кулуарах, в беседах и доверительных разговорах с любимыми артистами. Основным её занятием была работа на сцене. Вера Остальцова была артисткой миманса со всеми свойственными этой должности обязанностями, радостями и огорчениями.

Остальцова сцены не боялась, была музыкальна, чувствовала стиль спектакля, умела носить костюм, умела гримироваться. Я хорошо помню её в балете «Спартак» гениального Якобсона. Она выходила в роли Матери невольницы в сцене «рынок рабов». Я помню её абсолютно точный рисунок роли, графичность поз, да Якобсон и не выпустил бы на сцену кого-нибудь неточного или не так «существующего» в эпизоде. Остальцовскую «мать» было безумно жаль, запомнился её молчаливый отчаянный монолог, простёртые к стражникам руки, плач всего её согбенного тела. Пара минут сценического существования, но этот персонаж врезался в память, как врезались в память и другие великие персонажи того великого спектакля.

Хорошо помню её старую цыганку в балете «Дон-Кихот», выделявшуюся из толпы товарок характерностью и, как теперь сказали бы, аутентичностью. Она была свободной на сцене, придавала действию яркость своей неординарной внешностью, но и не «лезла на рампу», как некоторые из её коллег. Артист миманса не должен звучать громче других инструментов сценического хора, но должен быть неотъемлемой частью ансамбля. Вера Остальцова умела это делать и учила этому искусству молодых артистов миманса. Как стражник фараона должен нести копьё и не распускать колени? Как придворная дама должна подобрать подол платья? В прежних классических оперных или балетных спектаклях доля присутствия миманса в сценических ансамблях была значительно большей, чем в современных редакциях, где жанровый характер картины обедняется исключением «не танцующих» или «не поющих» персонажей. Вера Остальцова, несомненно, добавляла своим присутствием живописных красок действию.

Помню её в «Аиде», в «Кармен», в «Сказке о царе Салтане», в «Орлеанской девице», в «Дубровском» – приметную, музыкально двигающуюся и естественно в эпизоде существующую.

Остальцова любила красоту и красивых людей. Наверное, потому и её сын Николай, выросший в солиста балета Кировского театра, был очень красив и выразителен. Иначе быть не могло – красив был избранник тётки Веры, отец Коли, дирижёр Самуил Пружан, красивы были дедушки и бабушки. Красивым получился обожаемый внук Пётр Остальцов, солист балета Мариинского театра, ладный и выразительный танцовщик, а сейчас – режиссёр, с успехом ведущий самые сложные в музыкальном и постановочном отношении балеты. Тётя Вера обожала Петеньку, развивала в нём любовь к музыке и к живописи, ко всему тому, что для неё только и имело смысл в жизни.

Вера Остальцова общалась исключительно с людьми «своей крови». Я никогда не видела рядом с нею «нужных» людей. Этой разборчивостью и бескомпромиссностью Остальцова наградила и сына Колю, и внука Петю.

Дружить с ней было трудно. Вспыльчивая, требовательная, максималистка во всём, что касалось тех, кого она любила и опекала. Отношения обрывались раз и навсегда и без пути назад. Она жадно любила, жадно ненавидела, жадно смотрела, слушала, жадно ела любимые блюда, жадно и ревниво собирала грибы...

В ней пульсировала, бурлила до самой кончины, ненасытная жажда жизни.

То, что сейчас продолжает существовать музей Мариинского театра, во многом заслуга Веры Николаевны Остальцовой. Это

она «поставила» на молоденькую сотрудницу Олю Овечкину, только что пришедшую в архив театра. И эта ставка выиграла! Ольга Овечкина сейчас незаменима во всём, что касается театральных выставок, подборок материалов, связанных с историей театра, незаменима в наладке мостов для связи поколений театральной и околотеатральной общественности. От Веры Николаевны Оля Овечкина унаследовала самое главное – любовь и уважение к артисту, каким бы маленьким и незаметным он ни был. Когда-то Аркадий Райкин в одном из скетчей сказал: «Театр начинается с вешалки». Оля Овечкина добавила бы: «Театр начинается с памяти гардеробщика, с памяти настройщика рояля, гримёра, бутафора...». Из крупиц этих воспоминаний создаётся национальное коллективное бессознательное, то, что поддерживает художественный уровень сегодняшних спектаклей, определяет оправданность вводов в те или иные роли новых исполнителей, «подсаживает на иглу» театральной страсти всё новых и новых зрителей.

Вера Остальцова и Владимир Галузин после спектакля «Аида». 1990-е гг.

Вера Николаевна Остальцова не только умела хранить золу пепелищ ушедших в прошлое сценических событий, но и заражать любовью к ТЕАТРУ всех, кто достоин этой священной болезни.

Сведения об авторах:

Овечкина Ольга Олеговна – историк-архивист, с 2002 г. заведующая архивом Мариинского театра;

Гамба Тамара Семеновна – литературовед, португалист, балетный критик, дочь артистов Мариинского театра – солистки оперы Тамары Смирновой и солиста балета Семёна Каплана.